

Der Bote

Вестник

Evangelisch-Lutherische Zeitschrift № 1/2016 Евангелическо-лютеранский журнал

Тема номера:
«Вот мать Моя
и братья Мои»
Церковь и семья

Unser Thema:
“Da ist meine Mutter
und das sind meine Brüder”
Kirche und Familie

В НОМЕРЕ: IN DIESEM HEFT:

4-5

От редакции / Editorial **3**

Тамара Н. Таценко / Dr. Tamara N. Tatsenko

Проповедь / Predigt 4-5

Несовершенное число
Die unvollkommene Zahl

Михаэль Шварцкопф / Michael Schwarzkopf

**Тема номера: «Вот мать Моя и братья Мои»
Unser Thema: "Da ist meine Mutter und das sind meine Brüder"**

6-9

Церковь – как семья: миф или реальность? **6-9**
Die Kirche als Familie – Mythos oder Realität?

Павел Шварц / Pawel Schwarz

«Безбрачным же и вдовам говорю...» **10-11**

Михаил Шлигель-Мильх

Школа ангелов **12-14**

Die Schule der Engel

Елена Бондаренко

Dr. Elena Bondarenko

Что такое «здоровая семья»? **18-21**

Was ist eine „gesunde Familie“?

Юлия Бокачёва / Dr. Julia Bokatschowa

Мария и ученик, которого любил Иисус **22-25**

Maria und der Jünger, den Jesus lieb hatte

Аннегрет Райтц-Динзе, Хартмут Динзе

Dr. Annegret Reitz-Dinse, Hartmut Dinse

22-25

Музыка 15

“Christ lag in Todesbanden”

«Христос на смерть Себя отдал»

Детская страничка 16-17

Пасхальный кроссворд. Молитва
Открытка к Пасхе

26-29

К 500-летию Реформации 26-29

Жан Кальвин: «Моисей» из Женевы

Тамара Н. Таценко

Церковный год 30-31

Студент. Антон Чехов

Молитва / Gebet обложка

Молитва на Пасху / Gebet zu Ostern

12-14

18-21

В Е С Т Н И К

Журнал Централизованной
религиозной организации –
Евангелическо-Лютеранской
Церкви

выходит 3 раза в год

Редакторы журнала

Елена Дякина
Марина Худенко

Верстка

Юлия Другова

Перевод на немецкий язык

Руфь Штубеницкая

Корректур немецких текстов

Христине Мюллер

Мнение редакции может
не совпадать с точкой
зрения автора

Адрес:

Россия,
191186, Санкт-Петербург,
Невский пр., 22-24

Тел.: (812) 571-94-17

E-mail: bote@elkras.ru

При перепечатке
ссылка обязательна

Регистрационное
свидетельство № 018676
от 7 апреля 1999 года

Отпечатано в типографии
ООО "Пионер принт": Россия,
194156, Санкт-Петербург,
пр. Энгельса, д. 13/2, лит. Л

Подписан в печать 11.03.2016

Тираж: 1200 экз.

DER BOTE

Zeitschrift der zentralisierten
religiösen Organisation –
der Evangelisch-
Lutherischen Kirche
erscheint dreimal im Jahr

Redaktion

Marina Chudenko
Elena Djakiwa

Lay-Out

Julia Drugowa

Übersetzungen ins Deutsche
Ruth Stubenitzky

Korrektur der deutschen Texte

Christine Müller

Namentlich
gekennzeichnete

Artikel geben nicht grundsätzlich
die Meinung der Redaktion wieder

Adresse:

Newski pr., 22-24
191186 St. Petersburg,
Russland

Tel: (812) 571-94-17

E-mail: bote@elkras.ru

Druck: GmbH "Pionier print",
Russland 194156,
St. Petersburg,
Engelsa pr., 13/2, „Л“
Redaktionsschluss –
11.03.2016

Auflage: 1200

Дорогие читатели!

Номер, который вы держите в руках, приходится на Пасхальное время. Проникновенная проповедь пропста Михаэля Шварцкопфа из Петербурга показывает, как мы по-человечески несовершенны перед чудом Воскресения Христова, Божьей любовью. Это несовершенство пронзительно переживают и герои дивного рассказа А.П. Чехова «Студент», необыкновенно удачно подобранного для этого номера редакцией. Сопереживания страданиям Христа, от которого трижды отрекается любимый ученик, производят внутренний переворот, катарсис в душах героев, озаряя их лица светом грядущего Воскресения, приближая ко Христу и к вечности.

2016 год объявлен в Евангелическо-Лютеранской Церкви в России Годом семьи. Созданная на основе союза между мужчиной и женщиной семья рассматривается Церковью как одна из основополагающих христианских ценностей. Значительная часть журнала посвящена теме семьи. Основываясь на текстах Библии и собственном пасторском опыте, о семье и любви размышляют пасторы из России, Украины, Абхазии и Германии. Семья не идеальна как в образах Библии, так и в современном мире.

Особое внимание уделяется рассмотрению Церкви как семьи. Видеть в Церкви единую семью учит нас Евангелие, образ семьи используется в Библии для описания отношений между Богом и человеком, а также между верующими. Отсюда для обозначения различных служений в Церкви вошли привычные нам понятия: отец, мать, дети Божьи, братья и сестры.

О разных служениях в Церкви повествует пастор Михаил Шлигель-Мильх, особо останавливаясь на служителях, живущих в безбрачии. При этом он исходит из положений святого апостола Павла о различных дарованиях и призваниях, открывающих возможность церковного служения также и для состоящих в браке. Из этого исходили и позднейшие реформаторы, отменившие целибат для священников. Оставаясь духовным отцом для общины, евангелический пастор получал задачу служить образцом истинной любви и христианского воспитания и в собственной семье.

Пастор Павел Шварц из Харькова рассуждает, как изменения в современной жизни ставят Церковь перед новыми сложными вопросами об отношениях в семье и Церкви между супругами, детьми и родителями, братьями и сестрами.

Замечательной библейской работой делятся с читателем пасторы Аннегрет Райтц-Динзе и Хартмут Динзе из Гамбурга. В ярком, живом и динамичном стиле они передают в своих строках полное отчаяние богоматери, стоящей у креста с распятым Сыном. В данном контексте для нас важно, что в последние минуты Своей земной жизни Спаситель поручает Свою мать заботам ученика, которого особенно любил.

Завершает номер очередной материал рубрики «К 500-летию Реформации». Он посвящен знаменитому женевокому реформатору Жану Кальвину, учение и деятельность которого легли в основу многочисленных общин реформатской Церкви, ныне объединяющих миллионы верующих на всех континентах.

Желаю читателям интересного чтения, а также радостного праздника Пасхи!

*От имени редакции и редакционного совета
Тамара Н. Таценко, Санкт-Петербург*

Liebe Leserinnen und Leser!

Die Ausgabe, die Sie in der Hand halten, erscheint in der Osterzeit. Die tiefgründige Predigt des Propstes Michael Schwarzkopf aus St. Petersburg zeigt, wie menschlich unvollkommen wir vor dem Wunder der Auferstehung Jesus Christus, Gottes Liebe, sind. Diese Unvollkommenheit durchleben die Helden der wunderschönen Erzählung von A.P. Tschechow – „Student“ sehr scharf, ungemein gelungen abgestimmt für diese Ausgabe von der Redaktion. Die Leiden Christi, und dass sein Lieblingsjünger ihn dreimal verleugnet, nachempfindend, rufen eine innere Umwälzung, eine Katharsis in den Seelen der Helden hervor, erleuchtet ihre Gesichter mit dem Licht der bevorstehenden Auferstehung, sie nähern sich Christus und der Ewigkeit.

2016 ist in der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Russland als das Jahr der Familie erklärt worden. Die auf der Gemeinschaft zwischen Mann und Frau beruhende Familie wird von der Kirche als eine der grundlegenden christlichen Werte angesehen. Ein bedeutender Teil der Zeitschrift ist dem Thema Familie gewidmet. Pastoren aus Russland, der Ukraine, Abchasien und Deutschland denken über die Familie und die Liebe nach, sie stützen sich dabei auf Bibeltexte und auf ihre persönliche Erfahrung als Pastoren. Familie ist nicht vollkommen, sowohl in der Bibel, als auch in der modernen heutigen Welt.

Besondere Aufmerksamkeit wird der Kirche als Familie gewidmet. Das Evangelium lehrt uns, die Kirche als eine einheitliche Familie zu sehen, das Familienbild wird in der Bibel für die Beschreibung der Beziehungen zwischen Gott und dem Menschen und auch zwischen den Gläubigen untereinander gebraucht. Von daher kamen die für uns für die Bezeichnung verschiedener Dienste in der Kirche gewohnten Begriffe: Vater, Mutter, Gotteskinder, Brüder und Schwestern.

Über verschiedene Dienste in der Kirche erzählt Pastor Michail Schlegelmilch, er lenkt sein Augenmerk besonders auf Amtsträger, die nicht verheiratet sind. Dabei geht er vom Kanon des heiligen Apostels Paulus über verschiedene Geistesgaben und Berufungen aus, die die Möglichkeit des Dienstes in der Kirche auch für Verheiratete eröffnet. Davon gingen auch die späteren Reformatoren aus, die das Zölibat der Amtsträger aufhoben. Der evangelische Pastor blieb geistiger Vater der Gemeinde und erhielt die Aufgabe, als Vorbild wahrer Liebe und christlicher Erziehung auch in der eigenen Familie zu dienen.

Pastor Pawel Schwarz aus Charkiw erörtert, wie das heutige, veränderte Leben die Kirche vor neue schwierige Aufgaben stellt, über die Beziehungen in der Familie und in der Kirche, zwischen den Eheleuten, den Kindern und den Eltern, den Brüdern und Schwestern.

Die Pastoren Annegret Reitz-Dinse und Hartmut Dinse aus Hamburg berichten den Lesern über eine bemerkenswerte Bibelarbeit. In einem eindrucksvollen, lebendigen und dynamischen Stil übermitteln sie in ihren Zeilen die völlige Verzweiflung der Gottesmutter, die am Kreuz vor dem gekreuzigten Sohn steht. In dem gegebenen Kontext ist für uns wichtig, dass der Heiland in den letzten Minuten seines Menschenlebens seine Mutter der Fürsorge eines Jüngers, den er besonders lieb hatte, anvertraut.

Am Schluss der Ausgabe finden Sie neues Material aus der Rubrik „Zum 500jährigen Jubiläum der Reformation“. Es ist dem bekannten Genfer Reformator Jean Calvin gewidmet, dessen Lehre und Tätigkeit die Grundlage für vielzählige Gemeinden der reformierten Kirche, die heute Millionen von Gläubigen auf allen Kontinenten vereint, bildete.

Ich wünsche den Lesern ein interessantes Lesen und auch ein frohes Osterfest!

*Im Namen der Redaktion und des Redaktionsrates
Tamara N. Tatsenko, St. Petersburg*

Несовершенное число

Михаэль Шварцкопф, пропст
Северо-Западного пропства, Санкт-Петербург

Michael Schwarzkopf, Propst
der Nord-West-Propstei, St. Petersburg

Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня. Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между Иудеями до сего дня. Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус.

(Мф. 28, 10-16)

Торогие сестры и братья!
«Христос воскрес!», – приветствуем мы друг друга в эти дни. И отвечаем так, как принято у христиан на протяжении веков: «Воистину воскрес!». Евангелие от Матфея описывает нам другой ответ: ученики идут в Галилею, потому что Иисус направил их придти туда после Своего Воскресения. Это соответствует требованию Иисуса поступать по Его слову, как Он сказал в завершение Нагорной проповеди. Но соответствует не вполне. Очевидно, легче дать традиционный ответ на пасхальное приветствие и с радостью ответить: «Воистину воскрес!», чем исполнить то, чего желает Воскресший.

К тому же внешне всё хорошо: они стоят на горе, которую им назвал Иисус, как и в прошлый раз во время Нагорной проповеди. Но учеников всего одиннадцать, один отсутствует. Каждый раз, читая этот текст – а это происходит на каждом Крещении – я ужасаюсь: одиннадцать учеников. Их было двенадцать, число совершенства, и вот их одиннадцать. Число, которое показывает, насколько несовершенно всё, что сделали они, следуя за Иисусом.

Часто нам кажется, что мы знаем, почему их только одиннадцать. Знаем ли мы это на самом деле? Иуды уже нет среди живых. Что значит Воскресение для него? Почему он не мог веровать в Иисуса как другие? Что сделали одиннадцать, чтобы удержать его с собой, в числе совершенных? Что делаем мы, чтобы удержать у нас, в нашем

сообществе, нашей общине тех, которые потеряли веру, утратили надежду, не почувствовали нашу любовь? Человеческое сообщество останется всегда несовершенным, так говорит нам число учеников одиннадцать.

Вы видите Иисуса, Воскресшего. И вы преклоняетесь перед ним. Мы видим глубокое почитание Иисуса. В Библии на поклонение имеет право только Бог. И Иисус – Бог для них, для нас, для всех христиан. А некоторые сомневались. Сколько их, сомневающихся, было? Сколько их сегодня среди нас? Иисус не считает их, и Он не считает нас. Он подходит к ним, Он приближается к ним и к нам. Воскресший не далеко и от сомневающихся! И Он говорит: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их». (Мф. 28,19).

И вот они переживают Воскресение: их несовершенство, их сомнения устраняет Его любовь. Несмотря на наши сомнения, наше несовершенство мы можем крестить людей – Его новых учеников. Прекрасно, что мы видим это в наших общинах на праздник Пасхи, в пасхальную ночь. Число нас обновляется – люди приходят к Иисусу, в нашу Церковь, потому что мы собираемся там, перед Ним, на горе, которую Он нам назвал – ближе к небесам, потому что Он обращается к нам, как ранее к одиннадцати. Те одиннадцать начинают новую жизнь, как и крещенные в этот праздник Пасхи – все они переживают Воскресение.

Так начинается и для нас новая жизнь, когда мы – с одиннадцатью учениками, с вновь крещенными, с верой и сомнениями в сердце – стоим перед Ним и слушаем Его слова. Слова, которые проходят через всё Евангелие от Матфея, от самого начала: «Се, Дева родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф. 1, 23). Это слова из пророческой книги Исаии. Близость Бога, Который в ней называется «Я здесь», – больше, нежели наша слабая вера, наше несовершенное число. В ней мы защищены, и в этой целительной близости мы можем открыть наше сердце для Воскресения.

Я с вами во все дни, до скончания века. Аминь. ■

Die unvollkommene Zahl

Liebe Schwestern und Brüder!
 „Der Herr ist auferstanden!“ – rufen wir einander in diesen Tagen zu. Und wir antworten, wie es unter Christen seit Jahrhunderten üblich ist: „Er ist wahrhaftig auferstanden!“ Das Matthäusevangelium berichtet von einer anderen Antwort: Die Jünger gehen nach Galiläa, weil Jesus sie nach seiner Auferstehung dorthin geschickt hat. Das entspricht der Forderung Jesu, nach seinen Worten zu handeln, wie er es am Ende der Bergpredigt sagte. Aber es entspricht ihr nicht ganz. Offensichtlich ist es leichter, eine traditionelle Antwort auf die Auferstehung zu geben, und fröhlich zu sagen „Er ist wahrhaftig auferstanden!“, als zu tun, was der Auferstandene will.

Zumal äußerlich alles gut scheint: Sie stehen auf dem Berg, den Jesus ihnen genannt hat, wie damals, bei der Bergpredigt. Aber sie sind nur elf Jünger, einer fehlt. Jedesmal, wenn ich diesen Text vorlese, und das geschieht bei jeder Taufe, erschrecke ich: elf Jünger. Sie waren zwölf, die Zahl der Vollkommenheit, und nun sind sie elf, eine Zahl, die zeigt, wie unvollkommen alles ist, was sie in der Nachfolge Jesu taten.

Wir denken oft, wir wüssten, warum sie nur elf sind. Wissen wir es wirklich? Judas ist nicht mehr am Leben. Was bedeutet die Auferstehung für ihn? Warum konnte er nicht an Jesus glauben wie die anderen elf? Was haben die elf getan, um ihn zu halten, bei sich, in der Zahl der Vollkommenen? Was tun wir, um die bei uns, in unserer Gemeinschaft, unserer Gemeinde zu halten, die den Glauben verloren,

Da sagte Jesus zu ihnen: Fürchtet euch nicht! Geht und sagt meinen Brüdern, sie sollen nach Galiläa gehen und dort werden sie mich sehen. Noch während die Frauen unterwegs waren, kamen einige von den Wächtern in die Stadt und berichteten den Hohenpriestern alles, was geschehen war. Diese fassten gemeinsam mit den Ältesten den Beschluss, die Soldaten zu bestechen. Sie gaben ihnen viel Geld und sagten: Erzählt den Leuten: Seine Jünger sind bei Nacht gekommen und haben ihn gestohlen, während wir schliefen. Falls der Statthalter davon hört, werden wir ihn beschwichtigen und dafür sorgen, dass ihr nichts zu befürchten habt. Die Soldaten nahmen das Geld und machten alles so, wie man es ihnen gesagt hatte. So kommt es, dass dieses Gerücht bei den Juden bis heute verbreitet ist. Die elf Jünger gingen nach Galiläa auf den Berg, den Jesus ihnen genannt hatte.

(Mt. 28,10-16)

die die Hoffnung aufgaben, die unsere Liebe nicht gefühlt haben? Unvollkommen bleibt menschliche Gemeinschaft immer, so sagt es die Zahl der elf Jünger.

Sie sehen Jesus, den Auferstandenen. Und sie fallen vor ihm nieder. Auch hier: Tiefe Verehrung Jesu, das Niederfallen steht in der Bibel nur Gott zu – Jesus ist Gott für sie, für uns, für alle Christen. Und einige zweifelten. Wie viele von ihnen? Wie viele von uns? Jesus zählt sie nicht, und er zählt uns nicht. Er tritt auf sie zu, er kommt ihnen nahe und uns, der Auferstandene ist auch den Zweifelnden nicht fern! und sagt: „Mir ist gegeben alle Vollmacht im Himmel und auf der Erde. Geht hin und macht alle Völker zu meinen Jüngern, indem ihr sie tauft“ (Mt. 28, 19).

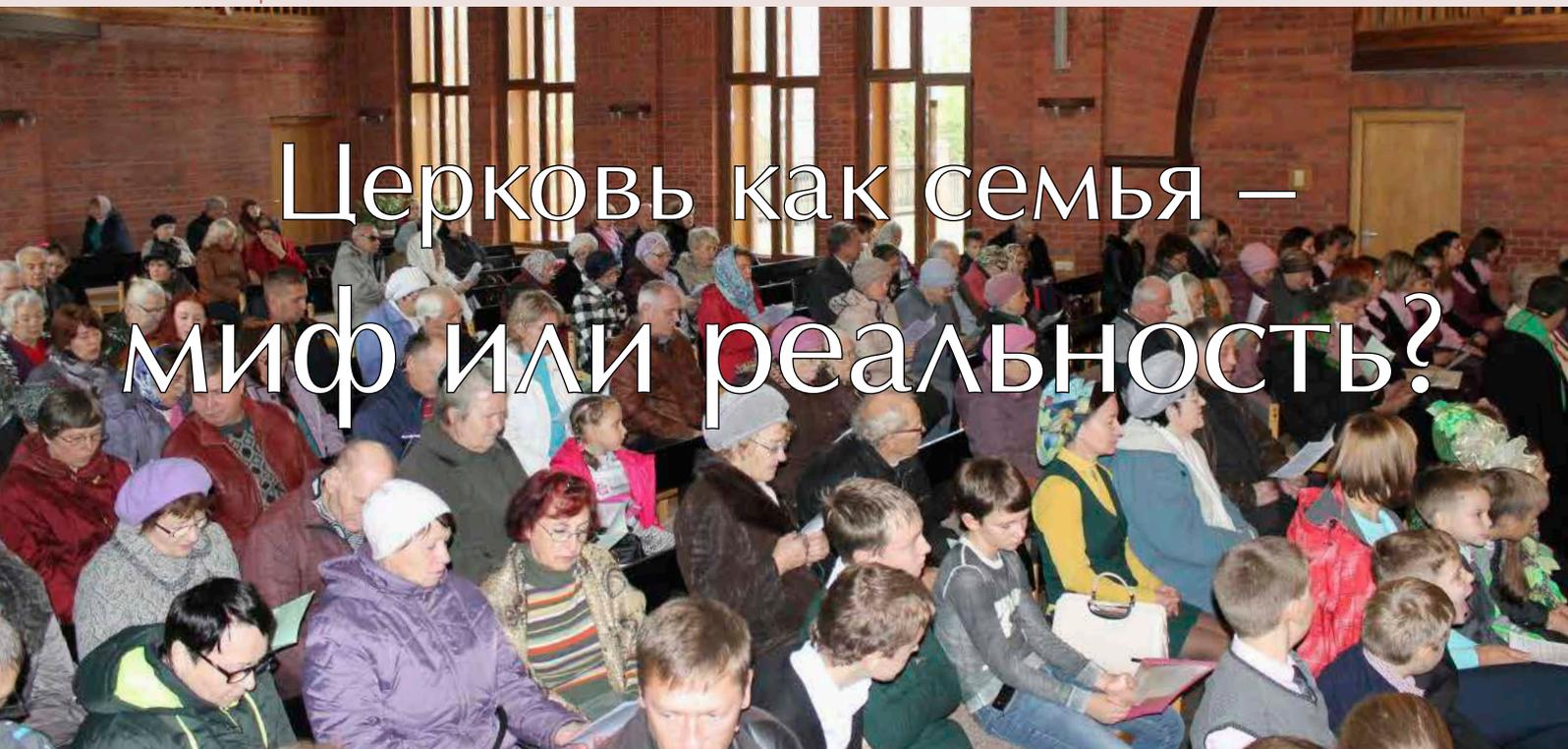
Nun erleben sie Auferstehung: Ihre Unvollkommenheit, ihre Zweifel sind aufgehoben in seiner Liebe. Wir können trotz unserer Zweifel, trotz unserer Unvollkommenheit Menschen taufen und zu seinen Jüngern machen. Wunderbar, wenn wir dies in unseren Gemeinden zu Ostern, in der Osternacht erleben: Vollkommen neu wird unsere Zahl – Menschen kommen zu Jesus, in unsere Kirche, weil wir dort versammelt sind, vor ihm, auf dem Berg, den er uns genannt hat – dem Himmel näher, weil er auf uns zukommt, wie damals auf die Elf. Sie beginnen ein neues Leben mit Christus, und die Neugetauften an diesem Osterfest – Auferstehung.

So beginnt ein neues Leben auch für uns, wenn wir mit den elf Jüngern, mit den Neugetauften, mit dem Glauben und mit den Zweifeln in unseren Herzen, vor ihm stehen und seine Worte hören. Worte, die das ganze Matthäusevangelium durchziehen, von Anfang an: „Eine Jungfrau wird einen Sohn gebären, und er wird Immanuel heißen, das heißt: Gott ist bei uns“ (Mt. 1, 23). Das sind Worte aus dem Prophetenbuch des Jesaja. Die Nähe des Gottes, der da heißt: „Ich bin da“, sie ist größer als unser schwacher Glaube, als unsere unvollkommene Zahl. In ihr sind wir geborgen, und in dieser heilsamen Nähe können wir unser Herz für die Auferstehung öffnen:

Ich bin bei euch alle Tage, bis ans Ende der Welt. Amen. ■

Церковь как семья – миф или реальность?

Павел Шварц, пастор общины св. Вознесения в г. Харькове, Немецкая Евангелическо-Лютеранская Церковь Украины

Pawel Schwarz, Pastor der Himmelfahrtsgemeinde in Charkiw, Deutsche Evangelisch-Lutherische Kirche der Ukraine

Церковь – это семья. Такое утверждение часто можно услышать как от богословов, так и от обычных прихожан. В Библии есть много примеров того, как образ семьи используется для более наглядного описания отношений между Богом и человеком и между верующими. Чтобы разобраться в том, действительно ли Церковь является семьей или же подобное утверждение – это, скорее, миф, необходимо ответить на вопрос: **Что для нас означает «быть семьей»?**

Например, если мы представляем семью, как райское место, где царит исключительно атмосфера понимания, уважения и бескорыстной любви, то тем самым мы создаем нереальный образ семьи. И, конечно, найти такую же идеальную Церковь или приход просто невозможно. Мы можем сколько угодно фантазировать об идеале семьи или Церкви. Но всякий раз, когда мы будем сопоставлять наш идеал с реальностью, нам не избежать разочарования.

Наши семьи не выглядят идеально и не могут быть такими. Потому что состоят из неидеальных грешных людей. То же самое происходит и с Церковью. Ведь Церковь полна грешников. Те, которые без греха, не нуждаются в Церкви и в Боге, они сами становятся в своих глазах

«богами». Часто, забывая о своей греховности, мы гневемся на тех, кто портит наше идеальное представление о Церкви. Но Церковь является собранием святых грешников – людей, наполненных Духом Святым, но в то же время обремененных желаниями плоти.

Мы сможем говорить о Церкви как о семье, только если избавимся от мифа идеальной семьи. Только тогда у нас появится шанс увидеть ценность семьи и Церкви и насладиться ею. Обрести мир в сердце, радость общения с другими людьми, комфортно чувствовать себя в своем приходе. Всё это возможно, если мы осознаем свою греховность и нужду в Божьей благодати.

Представление о Церкви как о семье может быть крайне полезным для нашей духовной жизни. Например, оно может помочь нам в размышлениях о Церкви.

Муж и жена

Когда во время библейского часа или конфирмационных занятий задаешь вопрос: «Какие отношения самые близкие?», зачастую можно услышать ответ: «Между матерью и ребенком». Но если мы обратимся к Писанию, то уже во второй главе книги Бытия можем прочитать о первых человеческих отношениях – отношениях между мужчиной и женщиной. Само создание женщины из ребра мужчины указывает нам на эту особенную близость. На нее же указывают нам и слова в оригинальном тексте на древнееврейском языке, где «мужчина» – это «иш», а «женщина» – «иша».

Именно отношения между мужчиной и женщиной (мужем и женой) неоднократно служат примером для описания отношений между Богом и Израилем, Христом и Церковью (Песнь Песней, Исаия, Иеремия, Осия, Послание к Ефессянам). Бог, используя знакомое, человеческое, открывает

Мы сможем говорить о Церкви как о семье, только если избавимся от мифа идеальной семьи

Die Kirche als Familie – Mythos oder Realität?

Die Kirche ist eine Familie. Diese Behauptung hört man oft – sowohl von Theologen wie von normalen Gemeindemitgliedern. In der Bibel gibt es viele Beispiele dafür, wie das Bild der Familie zur anschaulicheren Beschreibung der Beziehungen zwischen Gott und Mensch und zwischen den Gläubigen untereinander gebraucht wird. Um zu klären, ob die Kirche wirklich eine Familie ist oder ob das eine Art Mythos ist, müssen wir die Frage beantworten: **Was bedeutet „eine Familie sein“ für uns?**

Wenn wir uns beispielsweise die Familie als paradiesischen Ort vorstellen, an dem ausschließlich eine Atmosphäre des Verständnisses, der Achtung und der selbstlosen Liebe herrscht, dann schaffen wir damit ein irreales Familienbild. Und natürlich ist es schlicht unmöglich, eine derart ideale Kirche oder Gemeinde zu finden. Wir können beliebig über das Ideal der Familie oder der Kirche phantasieren. Aber jedes Mal, wenn wir unser Ideal mit der Wirklichkeit vergleichen, ist die Enttäuschung vorprogrammiert.

Unsere Familien sehen nicht ideal aus und können es auch nicht sein. Denn sie bestehen aus nichtidealen, sündigen Menschen. Dasselbe geschieht auch mit der Kirche. Die Kirche ist ja voller Sünder. Wer ohne Sünde ist, braucht die Kirche und Gott nicht, sondern wird selber zum „Gott“ für sich. Häufig vergessen wir unsere eigene Sündhaftigkeit und sind zornig über die, die unsere Idealvorstellung von Kirche verderben. Aber die Kirche ist die Versammlung von heiligen Sündern – Menschen, die vom Heiligen Geist erfüllt, zugleich aber von den Begierden des Fleisches belastet sind.

Wir können über die Kirche als Familie sprechen, nur wenn wir den Mythos von der idealen Familie loswerden. Denn dann haben wir eine Chance, den Wert der Familie und der Kirche zu erkennen und sie zu genießen. Frieden im Herzen und Freude an der Gemeinschaft mit anderen Menschen zu erlangen, uns in unserer Gemeinde wohlfühlen. Das alles ist möglich, wenn wir unsere Sündhaftigkeit und unser Bedürfnis nach Gottes Gnade erkennen.

Die Vorstellung von Kirche als Familie kann äußerst nützlich für unser geistliches Leben sein. Zum Beispiel kann sie uns beim Nachdenken über die Kirche helfen.

Mann und Frau

Wenn man bei einer Bibelstunde oder beim Konfirmandenunterricht fragt: „Welche Beziehung ist die engste?“, hört man oft als Antwort: „Die zwischen Mutter und Kind.“ Aber wenn wir uns an die Schrift wenden, können wir schon im zweiten Kapitel des 1. Buches Mose etwas über die erste menschliche Beziehung lesen – die Beziehung zwischen Mann und Frau. Die Erschaffung der Frau aus einer Rippe des Mannes weist an sich schon auf diese besondere Nähe hin. Ebenso auch die Wörter im hebräischen Originaltext, wo Mann „Isch“ heißt und Frau „Ischah“.

Ebendiese Beziehung zwischen Mann und Frau (Ehemann und Ehefrau) dient mehrfach als Beispiel zur Beschreibung der Beziehung zwischen Gott und Israel, Christus und der Kirche (Hohes Lied, Jesaja, Jeremia, Hosea, Epheserbrief). Gott benutzt das Menschliche, das wir kennen, um uns das Göttliche zu eröffnen. Und umgekehrt: Indem er die Beziehung von Christus und der Kirche als Beziehung von Mann und Frau darstellt (Epheserbrief), weist der Herr uns auf die Wichtigkeit familiärer Beziehungen hin – und darauf, was deren Grundlage ist: gegenseitige Achtung und selbstaufopfernde Liebe.

Wenn wir verschiedene Bilder aus der Heiligen Schrift gebrauchen, sollten wir uns auch an ihre Grenzen erinnern. Wir müssen die Änderungen berücksichtigen, die seit der Abfassungszeit der Bücher der Heiligen Schrift in Gesellschaft und Kultur stattgefunden haben. So hat sich das Familienmodell in den letzten 150 Jahren mehrfach geändert.

Beispielsweise wählen heute viele als Vorbild eine Familie, in der die Beziehung zwischen Mann und Frau auf Gleichstellung und Partnerschaft beruht, was wiederum nicht auf Christus und die Gemeinde anwendbar ist. Die Beziehung zwischen Christus und der Kirche ist keine Beziehung unter Gleichrangigen. Sie gründet nicht auf der Idee von Partnerschaft, Gleichheit und Selbstverwirklichung, sondern ausschließlich auf opferbereiter Liebe, deren Vorbild Christus ist, der sich für seine Geliebte – die Kirche – geopfert hat.

Wir können über die Kirche als Familie sprechen, nur wenn wir den Mythos von der idealen Familie loswerden

→ перед нами Божественное. И, наоборот, представляя отношения Христа и Церкви, как отношения мужа и жены (Послание к Ефесянам), Господь указывает нам на важность семейных отношений и на то, на чем они должны быть основаны – на взаимоуважении и жертвенной любви.

Используя различные образы из Священного Писания, стоит также помнить об их ограниченности. Необходимо учитывать изменения, которые произошли в обществе и культуре за время, прошедшее от написания книг Библии. Так, за последние 150 лет модель семьи неоднократно менялась.

К примеру, сегодня многие выбирают образом для себя семью, в которой отношения между мужем и женой основываются на равенстве и партнерстве, что в свою очередь невозможно применить ко Христу и Церкви. Отношения между Христом и Церковью – это не отношения равных. Они основываются не на идеях партнерства, равенства и самореализации, но исключительно на жертвенной любви, примером которой является Христос, принесший жертву за Свою Возлюбленную – Церковь.

В Церкви мы часто ведем себя, как дети. Ссоримся, завидуем друг другу, состязаемся, кто лучше и ближе к Отцу

Отец

Отцовство также является важной темой в Церкви. **Кого в Церкви мы можем называть отцом?** В православной и католической традиции отцом часто называют священника, подразумевая под этим учителя и духовного наставника (в какой-то степени посредника между Богом и мирянами). Бог в христианстве также называется нашим Отцом. Отцом мирянам и клиру. И для духовного роста христианских приходов важно, чтобы и первые, и особенно вторые об этом не забывали.

В библейские времена отец был патриархом, главой семьи и ее духовным лидером. По крайней мере, согласно теории было так. В Библии же неоднократно встречаются такие случаи, как, например, в семье Ревекки, где семьей управляли женщины и ее брат (Быт. 24).

Со временем модель семьи в обществе неоднократно менялась. Но неизменным осталось одно – желание человека властвовать над другим и доказывать свою важность и ценность. А еще – отказ брать на себя ответственность. Люди часто ищут прав и признания, но редко стремятся служить другим. Примером здесь может быть массовое нежелание официально регистрировать брак (венчаться) и довольство сожительством, которое ошибочно называют «гражданским браком».

Одним из важных заданий, возложенных Богом на земных отцов, является духовное лидерство в семье, что неоднократно подчеркивал в своих трудах Мартин Лютер. Это задание и по сегодняшний день остается актуальным, но, к сожалению, отцы часто отказываются от своего призвания

и пренебрегают своими обязанностями. И тогда жены «выручают» их, выполняя за них работу, тем самым еще более усугубляя проблему духовного лидерства в семье.

Мать

В Священном Писании мы также встречаем роль матери, которая в Ветхом Завете приписывается Израилю (у пророков Исаии и Осии), а также некоторые черты приписываются самому Богу – «Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас...» (Ис. 66,13). В церковной традиции Церковь вслед за Израилем становится матерью. Представляя же Церковь как мать, важно определить, что мы вкладываем в это сравнение и что мы подразумеваем под словом Церковь – организацию, храм или сообщество верующих. В разных христианских конфессиях это понимают по-разному.

Дети (братья и сестры)

Все мы дети Божьи. Такую цитату неоднократно можно услышать не только от прихожан, но и от людей далеких от Церкви. Поэтому, размышляя над этим утверждением, необходимо ответить на вопрос: **Как мы становимся детьми Божьими?**

В Крещении Господь усыновляет нас. В Церкви мы часто ведем себя, как дети. Ссоримся, завидуем друг другу, состязаемся, кто лучше и ближе к Отцу.

В семьях часто можно увидеть, как мальчики воюют с девочками и наоборот. То же самое мы наблюдаем и в наших приходах. Война полов уводит Церковь в сторону от созидания к разрушению. Хотя, на мой взгляд, Церковь Христова не должна являться местом для борьбы за чьи-то права. Но всё же это присутствует в ней из-за нашего несовершенства и греховности.

Мы вносим в Церковь свои грехи и проблемы. Более того, иногда мы считаем их большим достижением, достоянием цивилизации или культуры. Но ведь борьба и созидание – это совсем разные вещи. В борьбе мы привязаны к какой-то идее (не всегда христианской). В созидании мы основываемся на Божьей любви, символом которой является крест Христа.

Наша греховность мешает Церкви Христовой свидетельствовать о любви. К сожалению, довольно часто, глядя на отношения между детьми Божьими, нельзя увидеть в них хоть капельку Божьей любви...

И всё же, несмотря на нашу греховность, Церковь является большим благословением, дарованным нам Господом. В Церкви мы обретаем единство во Христе, мы перестаем быть одинокими и обретаем братьев и сестер, которые готовы нам помочь словом, делом и молитвой. Церковь – это единственное место, где верующий может возрастать в вере. Ведь невозможно быть христианином вне Церкви.

Но семьей детей Божьих Церковь остается только в том случае, если она основана на Иисусе Христе. ■

Der Vater

Vaterschaft ist ebenfalls ein wichtiges Thema in der Kirche. **Wen können wir in der Kirche Vater nennen?** In der orthodoxen und der katholischen Tradition wird häufig der Priester Vater genannt, womit ein Lehrer und geistlicher Beistand (in gewissem Maß ein Mittler zwischen Gott und den Laien) gemeint ist. Gott wird im Christentum auch unser Vater genannt. Ein Vater für Laien wie Klerus. Und für das geistliche Wachstum der christlichen Gemeinden ist es wichtig, dass sowohl erstere, als auch insbesondere letztere, das nicht vergessen.

Zu biblischen Zeiten war der Vater der Patriarch, das Oberhaupt und der geistliche Leiter der Familie, jedenfalls in der Theorie. In der Bibel kommen aber auch mehrfach Fälle wie bei der Familie Rebekkas vor, die von den Frauen und ihrem Bruder geleitet wurde (2. Mose 24).

Mit der Zeit änderte sich das Modell der Familie in der Gesellschaft mehrfach. Aber eines blieb unverändert: der Wunsch des Menschen, über andere zu herrschen und seine Bedeutung, seinen Wert zu beweisen. Und die Weigerung, Verantwortung auf sich zu nehmen. Die Menschen wollen häufig Rechte und Anerkennung, haben aber selten das Bestreben, anderen zu dienen. Als Beispiel kann hier die verbreitete Tendenz dienen, nicht offiziell oder gar kirchlich eine Ehe einzugehen, sondern sich mit der Art von Zusammenleben zu begnügen, die man als „Partnerschaft“ oder „eheähnliche Lebensgemeinschaft“ bezeichnet.

Eine der wichtigen Aufgaben, die Gott den irdischen Vätern anvertraut hat, ist die geistliche Leiterschaft in der Familie, wie Martin Luther in seinen Werken mehrfach betonte. Diese Aufgabe ist auch heute noch aktuell, aber leider lehnen die Väter häufig ihre Berufung ab und vernachlässigen ihre Pflichten. Und dann springen ihre Frauen ein und erledigen die Arbeit ihrer Männer, wodurch das Problem der geistlichen Leiterschaft in der Familie noch größer wird.

Die Mutter

In der Heiligen Schrift begegnet uns auch die Rolle der Mutter, die im Alten Testament Israel zugeschrieben wird (bei den Propheten Jesaja und Hosea); außerdem werden einige Eigenschaften Gott selbst zugeschrieben: „Ich will euch trösten, wie einen seine Mutter tröstet ...“ (Jes. 66,13). In der kirchlichen Tradition wird die Kirche in der Nachfolge Israels zur Mutter. Wenn wir uns die Kirche als Mutter vorstellen, ist es wichtig, uns klarzuwerden, was wir mit diesem Vergleich meinen und was wir unter dem Wort Kirche verstehen – die Organisation, das Gebäude oder die Gemeinschaft der Gläubigen. In unterschiedlichen christlichen Konfessionen wird dieser Vergleich unterschiedlich verstanden.

Kinder (Geschwister)

Wir alle sind Kinder Gottes. Dieses Zitat kann man häufig nicht nur von Gemeindemitgliedern hören, sondern auch von Menschen, die der Kirche fernstehen. Deshalb müssen wir, wenn wir über diese Behauptung nachdenken, die Frage beantworten:

Wie werden wir zu Kindern Gottes?

In der Taufe adoptiert Gott uns. In der Kirche benehmen wir uns oft wie Kinder. Wir streiten uns, sind neidisch aufeinander, konkurrieren miteinander darum, wer besser und dem Vater näher ist.

In Familien kann man häufig beobachten, wie die Jungen gegen die Mädchen kämpfen und umgekehrt. Dasselbe können wir häufig auch in unseren Gemeinden sehen. Der Krieg der Geschlechter lenkt die Kirche vom Aufbau und führt sie zur Zerstörung. Wobei Christi Kirche meiner Ansicht nach nicht der Ort für den Kampf um jemandes Rechte sein sollte. Aber dennoch sind diese Dinge wegen unserer Unvollkommenheit und Sündhaftigkeit in ihr vorhanden.

Wir bringen unsere Sünden und Probleme mit in die Kirche. Mehr noch, manchmal halten wir sie für große Errungenschaften, für ein Gut der Zivilisation oder der Kultur. Aber Kampf und Aufbau sind ja ganz unterschiedliche Dinge. Im Kampf sind wir an irgendeine (nicht immer christliche) Idee gebunden. Im Aufbau gründen wir uns auf Gottes Liebe, deren Symbol das Kreuz Christi ist.

Unsere Sündhaftigkeit behindert die Kirche Christi dabei, die Liebe zu bezeugen. Leider kann man ziemlich oft, wenn man die Beziehungen zwischen den Gotteskindern ansieht, kein bisschen von Gottes Liebe darin erkennen ...

Und dennoch, trotz unserer Sündhaftigkeit, ist die Kirche ein großer Segen, der uns von Gott geschenkt ist. In der Kirche erlangen wir Einheit in Christus, wir sind nicht mehr einsam, sondern bekommen Brüder und Schwestern, die bereit sind, uns in Wort, Tat und Gebet zu helfen. Die Kirche ist der einzige Ort, an dem der Gläubige im Glauben wachsen kann. Denn es ist unmöglich, außerhalb der Kirche Christ zu sein.

Aber die Kirche bleibt nur dann die Familie von Gotteskindern, wenn sie auf Jesus Christus gegründet ist. ■

In der Kirche benehmen wir uns oft wie Kinder. Wir streiten uns, sind neidisch aufeinander, konkurrieren miteinander darum, wer besser und dem Vater näher ist

«Безбрачным же и вдовам говорю...»

Михаил Шлигель-Мильх, пастор общины св. Иоанна, г. Сухум, Абхазия

Священнослужитель – это первый человек, который приковывает к себе внимание входящих в церковь. Он – тот, чей голос играет ведущую роль среди многоголосья Церкви. Он – та фигура, которая стоит в центре внимания общины и выполняет особое служение.

Начиная с ветхозаветных времен, люди, предстоящие пред Богом, отделялись от остального народа: «В то время отделил Господь колена Левино, чтобы носить ковчег завета Господня, предстоять перед Господом, служить Ему и благословлять именем Его, ... потому нет левиту части и удела с братьями его: Сам Господь есть удел его» (Втор. 10,8-9). В Новом Завете говорится о том, что Господь вступает с Церковью в особые отношения, которые на языке Библии описываются как брак: «Ибо я ревную о вас ревностью Божею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2 Кор. 11,2).

Бог принимает свой народ-невесту (Ос. 2,19-20), выкупает из власти греха и смерти посредством крови Своей и приготовляет для нее небесные обители

(Откр. 19,7). Образ Церкви – невесты Христовой, имеющей свой удел в Господе, – этот смысл, который был вложен в понимание celibата как на Западе, так и на Востоке. Но к решению принимать обет безбрачия клир приходит постепенно.

Библейские свидетельства говорят о том, что многие апостолы были женаты.

Апостол Павел не был женат. В его посланиях мы находим поучения пресвитерам и епископам о том, что они должны

быть любящими и верными мужьями. Там же есть и утверждение о двух различных призваниях – семейной жизни и жизни в безбрачии: «Ибо желаю, чтобы все люди были как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться как я» (1 Кор. 7,7-8). В этих словах мы не видим твердого запрета, это, скорее, совет: если человеку невозможно придерживаться безбрачия, то лучше вступить в брак.

С первых веков христианства начинает формироваться идея о необходимости celibата («безбрачия»: от лат. *caelebs* – «неженатый») для духовенства. Так, в раннем предании, так называемых «Апостольских правилах» (III-VI века), авторство которых приписывается самим апостолам, в 26 каноне мы находим запрет на вступление в брак духовенства после рукоположения: «Повелеваем, чтобы из вступивших в клир безбрачными, могли вступить в брак одни только чтецы и певцы». Дяконам также позволялось вступать в брак. Клирику, таким образом, оставался выбор, вступать ли в брак до рукоположения или оставаться безбрачным.

Этой практики придерживается сегодня православная Церковь, различая «белое» духовенство – священников женатых и «черное» – монашествующих. Влияние монашества с IV века ограничивает желание епископов вступать в брак. По сей день на епископскую кафедру в православной Церкви может быть возведен только монашествующий.

На Западе стремление обязать священников принимать обет безбрачия был намного сильнее, чем на Востоке, что было обусловлено желанием Церкви к большей независимости от мирских властей. Известно высказывание Папы Григория VII: «Церковь не может освободиться от подчинения мирянам, если клирики не освободятся от своих жен» (XI век). На Западе безбрачие священников, несмотря на сопротивление и недовольства в поместных Церквях, окончательно утверждается в XI веке. Однако, в Римско-Католической Церкви сегодня всё же есть небольшое количество женатых диаконов, но рукоположение их в сан священника уже невозможно. Также известны немногие случаи

Образ Церкви-невесты Христовой – этот смысл был вложен в понимание celibата как на Западе, так и на Востоке

женатых священников, которые перешли в Римско-Католическую Церковь из лютеранской или англиканской Церквей.

Безбрачие духовенства понимается как дар, как высокое призвание служить народу Божьему в чистоте и святости, в глубоком единении с Богом и Церковью, посвящая себя всецело делу Евангелия. В энциклике «Redemptor hominis» («Искупитель человека») Папа Иоанн Павел II сравнивает celibat с браком, который должен быть отмечен верностью призванию. «Супруги должны отличаться верностью собственному призванию, которая проистекает из неразрушимости сакраментального брака. Подобная верность собственному призванию должна отличать священников на основании “неизгладимого характера”, который запечатлен в их сердцах в Таинстве Священства».

Приходская жизнь священника приравнивается, таким образом, по своему значению к семейной. Она налагает на него обязанности духовного отца, который должен заботиться о духовном здоровье паствы, сопровождать и поддерживать ее на пути следования за Иисусом.

Реформация полностью отказывается от безбрачия духовенства. 23 артикул Аугсбургского вероисповедания говорит о необходимости вступления в брак священников, так как далеко не все способны к celibatu: «Бог заповедал относиться с почтением к брачной жизни и заповедал брачную жизнь в помощь, для противостояния человеческой немощи». Мартин Лютер женится и сам – на беглой монахини. Катерина фон Бора как его супруга оказывала Лютеру крайне необходимую духовную поддержку.

Святость семейной жизни не раз подчеркивалась реформаторами. Труд – как мужа, так и жены – считается в равной степени достойным служением Богу. Глава семьи не только обеспечивает финансовое благополучие, но и заботится о духовном здоровье своих домашних, являясь для них катехизатором. В Малом катехизисе мы находим соответствующие заголовки разделов о молитве: «Как глава семейства должен учить своих домашних молиться». До сих пор в протестантских Церквях во всем мире отрицается необходимость жизни священнослужителей в безбрачии. Есть лишь небольшое исключение.

С недавнего времени в англиканской и лютеранских Церквях начали возрождаться монашеские общины. В основу их уставов положены правила св. Бенедикта или св. Франциска. В 1987 году впервые за всё время после Реформации был основан первый лютеранский монастырь. Речь идет о монастыре св. Вигберта в Вернингсхаузене (Тюрингия). Сегодня в нем живут братья различных конфессий по уставу св. Бенедикта.

Приор общины патер Франц так объясняет celibat: «Celibat следует понимать как дар Божий людям. Кому он дан, тот его и принимает. Celibat, если его правильно понимать, не служит самоцели, а служит людям. Он дает свободу, чтобы служить другим; он – самоограничение ради помощи другим, он дает время для молитвы за тех, у которых, возможно, этого времени нет».

Апостол Павел прекрасно выразился как о браке, так и о celibate, назвав и то и другое дарованием. Бог создает человека как социальное существо, призванное жить среди других людей. Но, в то же время, повседневность очерчивает ему малый круг общения – семью, где в наиболее полной мере реализуется служение любви. Социальное общение и активность человека совершается в двух плоскостях – вертикальной и горизонтальной. Под вертикальной плоскостью понимается наше общение с Богом. Горизонтальное же общение – наша жизнь в мире, в обществе, церковной общине, семье, где находит практическое применение заповедь Иисуса «Да любите друг друга, как Я возлюбил вас».

Только черпая силы из общения с Богом, наша жизнь и служение в семье и обществе обретают смысл. Оба призвания – семейная жизнь и безбрачие – реализуются только благодаря единению со Христом. Благословляя Церковь на земле, Бог поставляет пресвитеров и епископов для воспитания народа Божьего в вере. Освящая семейные узы, Господь возлагает то же служение возвещения Слова Божьего на плечи отцов и матерей, чтобы они подавали своим детям пример послушания и следования за Христом. ■

Апостол Павел прекрасно выразился как о браке, так и о celibate, назвав и то и другое дарованием

Школа ангелов

Елена Бондаренко, кандидат филологических наук, протст Центрального протства Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России, Москва

Elena Bondarenko, Dr. der Philologie, Pröpstin der Zentralen Propstei der Evangelisch-Lutherischen Kirche Europäisches Russland, Moskau

Когда приближается какой-то праздник, мы часто желаем друг другу любви. Что мы этим хотим сказать? Задумываемся ли вообще о своих пожеланиях, особенно для других людей?

А христиане, то есть мы с вами, когда читаем Библию, осознаем ли, что эта книга, в том числе, и о любви? А если осознаем, то какой смысл мы в это слово вкладываем?

Студенты всех христианских семинарий мира слышали на лекциях о разных греческих словах, обозначающих любовь. В этом плане греческий язык производит впечатление: как четко он сортирует понятия любви, которые мы постоянно бессознательно смешиваем!

Язык Нового Завета упоминает «эрос», то есть физическую и эстетическую устремленность человека, есть также «филия» – привязанность, дружба, есть «агапе» – любовь жертвенная, та, которую и явил нам Господь Иисус Христос.

Прекрасно, что мы знаем эти понятия. И всё же они мало помогают разобраться в текстах, которые сбивают нас точно волна, текстах о любви, особенно текстах новозаветных.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

И если я раздам всё имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует,

не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

(1 Кор. 13,1-13)

Знакомый текст. Причем, несмотря на то, что его читают на венчаниях, цитируют на лекциях, вспоминают на праздниках, даже вышивают на полотенцах и выжигают на досках, он не стал от этого пошлым, избитым. Он всякий раз звучит по-новому. Может быть, потому что речь идет о предмете, который никогда не станет пошлым, как бы мир ни старался сделать его таким?

Апостол пишет о «меди звенящей» и «кимвале звучащем». Это не просто упоминание музыкальных инструментов. Он проводит здесь параллель с малоазийскими религиозными культурами, в которых подобным грохотом часто сопровождалась экстаические танцы. Но было ли это богослужение, несущее любовь? А наши богослужения несут любовь?

Пророки, люди, жертвующие собой во имя идеи, отказывающиеся от всего своего наследия в пользу бедных – как это прекрасно! Разве не это мы имеем в виду, когда говорим о настоящих христианах? Но Павел предупреждает: разве это любовь? Где она?

Апостол учит распознавать истинную любовь. Вроде бы просто: любовь терпелива, милосердна, не горда, не бесчинствует (как хорошо сказано!), не желает зла, радуется истине и сама верует

**Сам Бог –
Любовь, и нам
до Него бесконечно,
бесконечно
далеко**

Die Schule der Engel

Wenn ein Fest vor der Tür steht, wünschen wir einander oft Liebe. Was wollen wir damit sagen? Denken wir überhaupt über unsere Wünsche – besonders die für andere Menschen – nach?

Und sind sich die Christen – also wir, Sie und ich – bewusst, dass die Bibel auch von der Liebe handelt? Und wenn wir uns dessen bewusst sind, welchen Sinn hat dieses Wort für uns?

Die Studenten aller christlichen Seminare der Welt haben in ihren Vorlesungen etwas über die verschiedenen griechischen Wörter für Liebe gehört. Von daher ist das Griechische beeindruckend: Wie klar es die Liebesbegriffe sortiert, die wir ständig unterbewusst vermischen!

Die Sprache des Neuen Testaments erwähnt den „Eros“, das ist das körperliche und ästhetische Verlangen des Menschen; es gibt auch die „Philia“ – die Verbundenheit und Freundschaft – und die „Agape“, die opferbereite Liebe, die uns der Herr Jesus Christus gezeigt hat.

Wie schön, dass wir diese Begriffe kennen. Und dennoch helfen sie uns wenig, uns in den Texten zurechtzufinden, die uns umwerfen wie eine Welle – in den Texten über Liebe, besonders im Neuen Testament.

„Wenn ich mit Menschen- und mit Engelzungen redete und hätte die Liebe nicht, so wäre ich ein tönendes Erz oder eine klingende Schelle.

Und wenn ich prophetisch reden könnte und wüsste alle Geheimnisse und alle Erkenntnis und hätte allen Glauben, sodass ich Berge versetzen könnte, und hätte die Liebe nicht, so wäre ich nichts.

Und wenn ich alle meine Habe den Armen gäbe und ließe meinen Leib verbrennen und hätte die Liebe nicht, so wäre mir's nichts nütze.

Die Liebe ist langmütig und freundlich, die Liebe eifert nicht, die Liebe treibt nicht Mutwillen, sie bläht sich nicht auf,

sie verhält sich nicht ungehörig, sie sucht nicht das Ihre, sie lässt sich nicht erbittern, sie rechnet das Böse nicht zu,

sie freut sich nicht über die Ungerechtigkeit, sie freut sich aber an der Wahrheit;

sie erträgt alles, sie glaubt alles, sie hofft alles, sie duldet alles.

Die Liebe hört niemals auf, wo doch das prophetische Reden aufhören wird und das Zungenreden aufhören wird und die Erkenntnis aufhören wird.

Denn unser Wissen ist Stückwerk und unser prophetisches Reden ist Stückwerk.

Wenn aber kommen wird das Vollkommene, so wird das Stückwerk aufhören.

Als ich ein Kind war, da redete ich wie ein Kind und dachte wie ein Kind und war klug wie ein Kind; als ich aber ein Mann wurde, tat ich ab, was kindlich war.

Wir sehen jetzt durch einen Spiegel ein dunkles Bild; dann aber von Angesicht zu Angesicht. Jetzt erkenne ich stückweise; dann aber werde ich erkennen, wie ich erkannt bin.

Nun aber bleiben Glaube, Hoffnung, Liebe, diese drei; aber die Liebe ist die größte unter ihnen.“

(1 Kor. 13,1-13)

Ein wohlbekannter Text. Und obwohl er bei Trauungen gelesen, in Vorlesungen zitiert, bei Festen angebracht und sogar auf Geschirrtücher gestickt und auf Holztafeln gebrannt wird, ist er davon nicht banal und abgedroschen geworden. Er klingt jedes Mal neu. Vielleicht weil es um eine Sache geht, die niemals zu etwas Abgedroschenem wird, wie sehr sich auch die Welt bemüht, sie dazu zu machen?

**Gott selbst
ist die Liebe,
und wir haben es so
endlos, endlos weit
bis zu ihm**

→ и надеется. Когда мы любим, просто, по-человечески, проявляем ли мы хотя бы одно из этих качеств? Сначала, может быть, да, а потом?

А потом в нас проявляются наши обычные человеческие свойства: собственничество, манипуляция, ревность, порой даже жажда разрушения и саморазрушения. Про такую любовь вряд ли стал бы писать свою песнь святой Павел.

Вот поэтому мы и не видим Бога. Мы не видим и ближних, и весь мир. Точнее видим, но словно через тусклое стекло, подобное зеркальцу, в которое смотрит на Святках современная язычница, гадательно. А настоящий мир велик, полон тайн и непонятен нам, потому что нужна любовь, чтобы этот мир увидеть.

Нам нужны вера и надежда, но человек способен верить и, особенно, надеяться. Не зря еще древние римляне отметили: "Dum spiro, spero" – «Пока живу, надеюсь». А вот с любовью опять сложности. Потому что она больше веры и надежды. Потому что Сам Бог – Любовь, и нам до Него бесконечно, бесконечно далеко!

Так бы и оставалось нам это бесконечное отчаяние, но Любовь Сама приходит к нам, находит нас, взыскует погибших. И это спасает, это дает нам хотя бы чуть-чуть ощутить истинную, божественную любовь – почувствовать и поделиться ею, потому что в этом свойство любви: ее нельзя спрятать в банку и поставить на полку души, ею надо делиться, ею просто необходимо делиться в общении и с людьми, и с Богом.

Знаменитый душепопечитель Ансельм Грюн призывает: «Отправляйся в школу ангелов, чтобы ты научился с нежностью обращаться со всем, что ты встречаешь и чего ты касаешься, для того, чтобы создать пространство вокруг себя, в котором другие будут чувствовать себя уютно». Это по силам христианам, и в этой настоящей работе можно многое почерпнуть, а самое главное ощутить – как тепло солнца – свет Божьей любви, помогающей нам самим любить и служить. ■

Der Apostel schreibt von einem „tönenden Erz“ und einer „klingenden Schelle“. Das ist nicht bloß die Erwähnung von Musikinstrumenten. Er zieht hier eine Parallele zu den kleinasiatischen religiösen Kulturen, bei denen ekstatische Tänze häufig durch derartiges Geklapper begleitet wurden. Aber war das ein Gottesdienst, der Liebe brachte? Und unsere Gottesdienste – bringen die den Menschen Liebe?

Propheten, Menschen, die sich selber für eine Idee aufopfern, die zu Gunsten der Armen auf ihr ganzes Erbe verzichten – wie schön ist das! Meinen wir etwa nicht genau das, wenn wir von echten Christen sprechen? Aber Paulus warnt: Ist das Liebe? Wo ist sie?

Der Apostel lehrt uns, wahre Liebe zu erkennen. Das scheint eigentlich ganz einfach zu sein: Die Liebe ist geduldig, barmherzig, nicht stolz, treibt nicht Mutwillen (wie treffend das gesagt ist!), wünscht nichts Böses, freut sich an der Wahrheit, und sie selber glaubt und hofft. Wenn wir einfach menschlich lieben, ist dann auch nur eines dieser Merkmale da? Vielleicht zu Anfang, aber später?

Später zeigen sich in uns die gewöhnlichen menschlichen Eigenschaften: Eigentumsdenken, Manipulation, Eifersucht, manchmal sogar ein Zerstörungs- und Selbsterstörungstrieb. Über so eine Liebe hätte der heilige Paulus wohl kaum seinen Hymnus geschrieben.

Und deshalb sehen wir Gott auch nicht. Wir sehen auch weder unsere Mitmenschen noch die ganze Welt. Genauer gesagt sehen wir sie, aber wie in einem trüben Spiegel, in den die moderne Heidin zur Weihnachtszeit blickt, um etwas zu erahnen. Die echte Welt aber ist groß, voller Geheimnisse, unverständlich für uns, denn man braucht Liebe, um diese Welt zu sehen.

Wir brauchen Glauben und Hoffnung, aber der Mensch ist auch in der Lage, zu glauben und insbesondere zu hoffen. „Dum spiro, spero“ – „Solange ich lebe, hoffe ich.“ Mit der Liebe ist es wiederum schwierig. Denn sie ist größer als der Glaube und die Hoffnung. Denn Gott selbst ist die Liebe, und wir haben es so endlos, endlos weit bis zu ihm!

Diese menschliche Verzweiflung würde uns bleiben, aber die Liebe selbst kommt zu uns, findet uns, sucht, was verloren ist. Und das bringt Rettung, das lässt uns wenigstens ein bisschen von der wahren, göttlichen Liebe spüren – spüren und teilen, denn so ist die Liebe: Man kann sie nicht in einer Dose verstecken und ins Regal der Seele stellen, sondern man muss sie teilen, es geht nicht anders, als sie in der Gemeinschaft mit den Menschen und mit Gott zu teilen.

Der berühmte Seelsorger Anselm Grün ruft auf, „in die Schule des Engels der Zärtlichkeit [zu] gehen, damit du mit allem, was dir begegnet und was du berührst, zärtlich umgehst und so um Dich herum einen zärtlichen Raum schaffen kannst, in dem sich andere geborgen fühlen.“ Die Kraft dazu haben die Christen, und aus dieser echten Arbeit kann man viel schöpfen und – was das Wichtigste ist – wie die Wärme der Sonne das Licht der Liebe Gottes spüren, das uns selber hilft zu lieben und zu dienen. ■

Апостол пишет о «меди звенящей» и «кимвале звучащем». Он проводит здесь параллель с малоазийскими религиозными культурами

Der Apostel schreibt von einem „tönenden Erz“ und einer „klingenden Schelle“. Er zieht hier eine Parallele zu den kleinasiatischen religiösen Kulturen

“Christ lag in Todesbanden”

«Христос на смерть Себя отдал»

Один из хоралов, исполняемых в лютеранской традиции на Пасху называется “Christ lag in Todesbanden”/ «Христос на смерть Себя отдал». Его можно найти в Сборнике песнопений Евангелическо-Лютеранской Церкви или в немецком сборнике “Evangelisches Gesangbuch” под номером 101. Это название на слуху и у музыкантов; композиторы эпохи ренессанса и барокко сочиняли разные варианты мелодии на этот текст. А у И.-С. Баха и И. Пахельбеля есть целые кантаты с таким названием.

существовавшую мелодию – пасхальное песнопение (секвенцию) XI века “Victimae paschali laudes”. Вот перевод латинского текста секвенции:

Хвалы Пасхальной Жертве
возносят христиане.
Агнец искупил овец.
Христос невинный с Отцом
примирил грешников.
Видя борьбу смерти и жизни:
Царь жизни, мертвый,
царствует живым.

– Скажи нам, Мария (Магдалина),
что видела ты на пути?
– Видела гробницу Христа Живого
и славу видела Воскресшего;
ангелов-свидетелей,
погребальный плат и пелены.
Воскрес Христос, надежда моя,
и предварил своих (учеников) в Галилее.
Ведомо нам, что Христос из мертвых
воистину воскрес.
Помилуй нас,
Царь-победитель,
Аминь. Аллилуйя.

Если в латинском тексте секвенции есть как бы краткий пересказ Марией Магдалиной истории Воскресения Христа и Его встречи с учениками, то в семи строфах текста Лютера этого мы уже не находим. Реформатор делает акцент на борьбу жизни со смертью и победу жизни. ■

101

T: Christ lag in Todesbanden; М.Лютер, 1524;
на основе секвенции
Victimae Paschali Laudes Вилона Бургундского, XI в.
П: М.Левин М: М.Лютер, 1524;
на основе песнопения Christ ist erstanden, XII в.

Хри-стос на смерть Се - бя от - дал За
Из цар-ства мер - твых Он вос - стал, Нам
на - ши пре - гре - ше - нья; Ра - дость да ис -
воз - ве - стил спа - се - нье.
пол-нит нас! Вос-пря-нем и в сей свет-лый час Вос-
клик-нем: Ал-ли-луй - я! Ал-ли - луй - я!

Баховская кантата “Christ lag in Todesbanden” (BWV 4) была написана почти через 200 лет после того, как Мартин Лютер в 1524 году сочинил немецкий текст хорала, вошедшего в наши песенники. Реформатор положил его на уже

Victimae paschali laudes

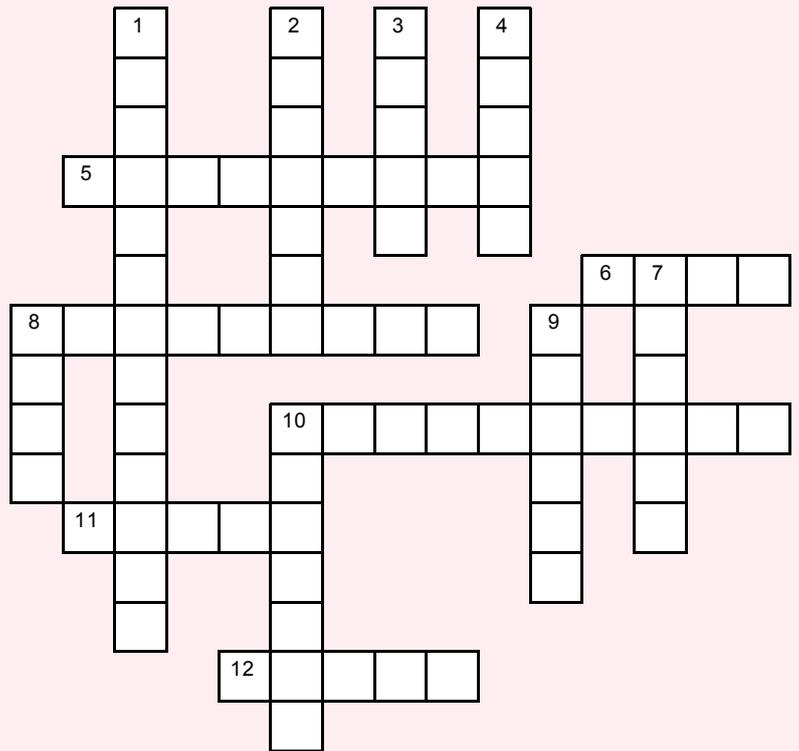
Séq.
1. **V**ictimae paschali laudes im-mo-lent Christi-á - ni. Agnus redémit óves: Christus innocens Patri reconci-li-ávit peccatóres.
Mors et víta duéllo confli-xé-re mirándo: dux vítae mórtuus, régnat vivus. Dic nóbis Marí -a, quid vi-dí-sti in ví-a?
Se-púlcrum Christi vivéntis, et glóriam ví-di resurgéntis: Angé-li-cos téstes, sudárium, et véstes. Surréxit Christus spes mé-a:
praecedet súos in Galiléam. Scimus Christum surrexisse a mórtuis vere: tu nóbis, victor Rex, miseré-re. Amen. Alle-lú-ia.

Пасхальный кроссворд

По горизонтали: 5. Чем Иосиф из Аримафеи обвил тело Иисуса перед погребением? 6. На каком животном Иисус въехал в город, где был распят? 8. Город, в котором Христос принял крестную смерть. 10. Место, где молился Иисус незадолго до ареста. 11. Кого увидели жены-мироносицы у входа в пещеру, где был погребен Иисус? 12. Крик какой птицы последовал за отречением апостола Петра?

По вертикали: 1. Что произошло сразу после смерти Иисуса на кресте? 2. Как звали разбойника, избежавшего казни на кресте? 3. Имя (одинаковое) двух женщин, первыми узнавших о Воскресении Иисуса. 4. Правитель, к которому первосвященники и старейшины привели Иисуса. 7. Кому из стоявших у креста принадлежат слова: «Истинно Человек Сей был Сын Божий»? 8. Имя ученика, который предал Иисуса. 9. Что закрывало вход в гроб Христа? 10. Где Воскресший Христос ожидал Своих учеников?

(Ответы – в следующем номере.)

Молитва

Дорогой Господь,
 Благодарю Тебя за Пасху!
 Пожалуйста, помоги нам помнить о том,
 Что без Иисуса не было бы этого праздника.
 Когда мы едим пасхальные яйца,
 Помоги нам помнить истинное значение
 Пасхи – то,
 Что Иисус умер за каждого из нас.
 Я радуюсь Его Воскресению и тому,
 Что Он слышит сегодня мои молитвы.
 Аминь.

Открытка к Пасхе

В этом году Пасха приходится на конец марта.
В некоторых регионах в это время еще может падать снег. Поэтому предлагаем вам,
дорогие ребята, сделать открытку с пасхальными зайцами под снегом.

Нужно вырезать открытку по контуру, затем наклеить ее на плотную бумагу
точно такого же размера и формы и согнуть по линии сгиба рисунком наружу.
На изображения отдельных снежков можно наклеить вату или пенопласт.

На внутренних страницах не забудьте написать поздравление с Пасхой тому,
кому адресована открытка!

Что такое «здоровая семья»?

Юлия Бокачëва, психолог, кандидат педагогических наук, г. Петрозаводск,

Julia Bokatschowa, Dr. der Pädagogik, Psychologin aus Petrosawodsk

www.bokacheva-julia.ru; www.vk.com/y.bokachyova

Я – практикующий психолог. Ко мне на консультации приходят люди, чтобы разобраться со своими проблемами, в том числе и семейными. Часто они говорят так: «Вообще-то у нас хорошая семья, благополучная...». Давайте попробуем понять, какой смысл мы обычно вкладываем в словосочетание «благополучная семья», и всегда ли «благополучная семья» является психологически здоровой, а значит – и счастливой.

Какую семью принято считать благополучной? Как правило, полную (с двумя родителями), где есть определенный достаток, где оба или один из супругов работают, дети ходят в образовательные учреждения, где нет зависимостей – пьянства или наркомании, нет физического насилия – скандалов и драк, и нет измен... Так ведь?

На самом деле, все вышеперечисленные характеристики являются в определенном смысле внешними по отношению к тому, что на самом деле происходит в семье. Конечно, это

не означает, что семья, где пьют и дерутся, может быть психологически здоровой. Нет.

Но будет ли семья, соответствующая портрету «благополучной», счастливой и здоровой? Совершенно не обязательно.

Здоровая или функциональная, то есть, по сути, счастливая семья – это семья, выполняющая свои функции. Таких функций у нее много: хозяйственно-бытовая, воспитательная, рекреативная и прочие. Но мне хотелось бы остановиться на ее главной психологической функции – поддержке.

В здоровой семье каждый человек чувствует себя хорошо. Почему? Потому что семья дает ему поддержку. Ее чувствует каждый член семьи – и муж, и жена, и дети. Вообще, на мой взгляд, поддержка – это суть любви. Но что же такое «поддержка» и как она проявляется?

Во-первых, поддержка проявляется в принятии – когда тебя принимают «таким, какой ты есть». У многих это выражение, пожалуй, уже набило оскомину, но оно очень верное по своей сути. Принятие – не означает бесконечное одобрение или похвалу, нет. Скорее это возможность, как бы «разрешение» быть настоящим. Принятие означает, что тебя воспринимают всерьез и не обесценивают. Что твои чувства, мысли и действия имеют право на существование и оправданы. Принятие – это когда над тобой не смеются, не иронизируют над тем, что тебе важно, каким бы абсурдным или «детским» оно ни казалось. Когда в семье есть принятие, то возникает атмосфера психологической безопасности, «дома», «укрытия», где отсутствует психологическая угроза.

Что же является психологической угрозой? Например, оценка и критика. Частенько, увы, встречается такое мнение: если я тебя люблю, то хочу, чтобы ты стал лучше/умнее/ красивее/ успешнее, и поэтому я расскажу тебе, в чем ты нехорош и каким образом ты должен это изменить. Абсурд? Ну, да. Но посмотрите на знакомые семьи. Послушайте, что супруги говорят друг другу, а родители – детям. Если человека – взрослого или ребенка – в семье сравнивают с другими людьми, приводят в пример их достижения, успехи, оценивают и критикуют, будет ли ему комфортно и безопасно? Нет. Сможет ли он быть настоящим и искренним? Вряд ли.

Поддержка также проявляется во внимании. И здесь всё очень просто. Внимание – это когда тебя замечают. Видят. Слушают. Не отмахиваются. Считаются с твоими интересами.

Следующая важная характеристика здоровой семьи – забота. Тоже весьма понятно, правда? Но что обычно мы подразумеваем под заботой? Как правило, заботу о телесных потребностях домочадцев – купить необходимое, одеть, накормить, спать уложить. Всё это замечательно, если мы не игнорируем психологические потребности,

Суть настоящей заботы – это отклик на то, в чем действительно нуждается наш близкий. А это частенько не борщ и не котлеты

Was ist eine „gesunde Familie“?

Ich bin praktizierende Psychologin. Bei mir lassen sich Menschen beraten, um mit ihren Problemen, darunter auch familiären, fertig zu werden. Häufig sagen sie mir: „Eigentlich haben wir eine intakte Familie, es geht uns gut ...“ Lasst uns versuchen zu verstehen, was wir normalerweise damit meinen, wenn wir von einer intakten Familie sprechen – und ob das immer auch eine psychologisch gesunde und damit auch glückliche Familie ist.

Was für eine Familie gilt als intakt? Normalerweise eine vollständige (mit beiden Eltern), in der es einen gewissen Wohlstand gibt, in der einer oder beide Ehepartner arbeiten und die Kinder in Ausbildungseinrichtungen gehen, in der es keine Abhängigkeiten – Trunksucht oder Drogensucht –, keine physische Gewalt – Skandale und Schlägereien – und keinen Ehebruch gibt. Stimmt doch?

In Wirklichkeit sind alle oben aufgezählten Merkmale in gewissem Sinne äußerlich in Bezug auf das, was wirklich in der Familie geschieht. Natürlich bedeutet das nicht, dass eine Familie, in der getrunken und geschlagen wird, psychologisch gesund sein könnte. Nein. Aber wird eine Familie, die dem Porträt einer „intakten“ entspricht, glücklich und gesund sein? Nicht unbedingt.

Eine gesunde oder funktionale, d.h. im Grunde eine glückliche Familie, ist eine Familie, die ihre Funktionen erfüllt. Davon hat sie viele: Die Haushalts- und Versorgungsfunktion, die Erziehungsfunktion, die Erholungsfunktion und andere. Aber ich würde gerne auf ihre wichtigste psychologische Funktion eingehen: den Rückhalt.

In einer gesunden Familie fühlt sich jede der Personen wohl. Warum? Weil die Familie ihm Rückhalt gibt. Jedes Familienmitglied spürt das – sowohl der Mann als auch die Frau als auch die Kinder. Überhaupt ist meiner Ansicht nach Rückhalt das Wesen der Liebe. Aber was ist „Rückhalt“ und wie äußert er sich?

Erstens äußert sich Rückhalt in Annahme – wenn du angenommen bist, „so, wie du bist“. Vielen ist dieser Ausdruck wahrscheinlich schon zu ausgelutscht, aber dem Sinn nach passt er genau. Annahme bedeutet nicht endloses Gutheißen und Loben, nein. Eher ist sie die Möglichkeit, sozusagen die „Erlaubnis“, echt zu sein. Annahme bedeutet, dass du ernst genommen und nicht abgewertet wirst. Dass deine Gefühle, Gedanken und

Handlungen ein Recht auf Existenz haben und gerechtfertigt sind. Annahme ist, wenn du nicht ausgelacht wirst, wenn man nicht ironisch über das redet, was dir wichtig ist, so absurd und „kindisch“ es auch scheinen mag. Wenn es in der Familie Annahme gibt, entsteht eine Atmosphäre psychologischer Sicherheit, ein „Zuhause“, eine „Zuflucht“, wo es keine psychologische Bedrohung gibt.

Und was ist eine psychologische Bedrohung? Beispielsweise Wertung und Kritik. Häufig trifft man leider auf folgende Meinung: Wenn ich dich liebe, dann möchte ich, dass du besser/klüger/schöner/erfolgreicher wirst, und deshalb erzähle ich dir, was mir an dir nicht passt und wie du das ändern sollst. Absurd? Eigentlich schon. Aber seht euch Familien an, die ihr kennt. Hört, was die Ehepartner einander und die Eltern den Kindern sagen. Wenn ein Mensch – Erwachsener oder Kind – in der Familie mit anderen Menschen verglichen wird, wenn ihm deren Erfolge als Vorbild dargestellt werden, wenn man ihn abwertet und kritisiert, wird er sich dann wohl und sicher fühlen? Wohl kaum.

Rückhalt äußert sich auch in Aufmerksamkeit. Und hier ist alles ganz einfach. Aufmerksamkeit ist, wenn du bemerkt wirst. Wenn man dich sieht. Hört. Nicht abwinkt. Wenn deine Interessen berücksichtigt werden.

Das nächste wichtige Kennzeichen einer gesunden Familie ist Fürsorge. Das ist auch sehr verständlich, oder? Aber was verstehen wir normalerweise unter Fürsorge? In der Regel die Sorge für die körperlichen Bedürfnisse der Angehörigen – das Nötige kaufen, sie kleiden, ihnen Essen und ein Bett geben. All das ist sehr gut, wenn wir nicht die psychologischen Bedürfnisse missachten, denn das Wesen echter Fürsorge ist eine Antwort auf das, was unser Nächster wirklich nötig hat. Und das sind sehr oft nicht Suppe und Frikadellen.

Ein wirklich fürsorglicher Ehepartner versteht seinen Partner und kann ihm im konkreten Moment das Nötige geben. (Dabei wäre es natürlich gut, nicht seine eigenen Bedürfnisse aufzuopfern.) Und dann sind beispielsweise folgende Handlungen eine Äußerung von

Das Wesen echter Fürsorge ist eine Antwort auf das, was unser Nächster wirklich nötig hat. Und das sind sehr oft nicht Suppe und Frikadellen

→ потому что суть настоящей заботы – это отклик на то, в чем действительно нуждается наш близкий. А это частенько не борщ и не котлеты...

По-настоящему заботливый супруг понимает своего партнера и может дать ему нужное в конкретный момент. (При этом, конечно, хорошо бы не жертвовать своими потребностями.) И тогда проявлением заботы будут, например, следующие действия: выслушать, посочувствовать, помочь или, наоборот, оставить в покое; взять на себя какие-то бытовые дела, которые партнеру делать не нравится.

Часто родителям довольно трудно дается забота о детях-подростках. Привычная нам забота-опека воспринимается подростками как контроль и вызывает сильный – и оправданный! – протест. Как же правильно позаботиться о взрослеющем ребенке? Нужно научиться передавать ему ответственность за его собственную жизнь: видеть в нем сильные стороны, доверять ему, не контролировать, не напоминать, перестать бесконечно спрашивать «Как дела в школе?» и «Что ты ел?», искренне верить в то, что он справится со всем. Помогать только в том случае, если он просит. Отстать.

Еще одна очень важная характеристика здоровой семьи – это открытое общение. Тут, как мне кажется, важно отметить два момента.

Во-первых, это наличие контакта между членами семьи. Что это означает? То, что люди способны взаимодействовать друг с другом в любой ситуации.

По-настоящему взаимодействовать, а не просто обмениваться репликами, выполняя какие-то семейные функции. Когда нет контакта, члены семьи делаются отстраненными друг от друга. **Внешне всё может выглядеть вполне «прилично»: обед приготовлен, мусор вынесен, деньги заработаны, могут быть даже сексуальные отношения.**

Но при этом между людьми нет эмоциональной близости. И никто не знает, что волнует другого человека.

Важно не только наличие контакта, но и его сохранение. Понятно, что случается разное – конфликтные ситуации, кризисы. Обид, гнева и прочих сильных негативных эмоций не избежать даже в самой хорошей семье. Но есть одно важное отличие: в здоровой семье никакая – даже самая напряженная – ситуация не является поводом для прерывания контакта.

Классический и крайне болезненный пример прерывания контакта – это игнорирование. Когда кто-то говорит: «Всё! Я с тобой не разговариваю. Я тебя не вижу», и действительно так и делает. Мне из практики консультирования известны ситуации, когда родители не разговаривали со своим ребенком по две недели из «воспитательных» сообщений. Муж с женой также могут демонстративно «не разговаривать» друг с другом. Многим

кажется, что это лучше, «цивилизованнее», чем кричать или драться. Однако необходимо понимать, насколько трудно переносимы и крайне разрушительны подобные действия.

Если эмоции кипят так, что невозможно в данный момент общаться с партнером или ребенком, лучше сообщить ему: «Не могу сейчас с тобой разговаривать! Боюсь, хуже будет! Давай позже обсудим». А потом надо приводить себя в эмоциональное равновесие. Но только не разрывать контакт!

Во-вторых, открытое общение подразумевает возможность честно сообщать о своих чувствах, переживаниях и неудовольствиях. И тут возникает такой парадокс. Идея, что «уж в семье-то я могу быть искренним» почему-то для многих означает возможность бесконтрольно выплескивать эмоции, кричать и не выбирать выражений, если что-то не нравится. Как бы оправдывая себя тем, что «все свои», я потом извинюсь, а близкие «поймут и простят». Нет, это не так. Невозможно извинениями компенсировать регулярный ущерб, наносимый грубыми словами, оскорблениями или унижениями.

В здоровой семье открытая коммуникация обязательно предполагает, кроме искренности, еще и заботу о партнере. Важно беречь своих близких. В том числе и от своих разрушительных выбросов гнева и обиды. Это не означает, что не надо говорить о неудовольствиях. Надо! Иначе контакт сойдет на «нет». Но если мы бережем своих любимых людей, мы выбираем выражения и стараемся регулировать свои эмоции.

...Как же всего этого достичь? И бывают ли вообще такие – психологически здоровые – семьи? Бывают! Это семьи, созданные психологически благополучными и личностно зрелыми людьми. Никто таким не рождается, это результат развития, заботы о себе и близких.

Можно ли изменить неудовлетворительную ситуацию в своей семье? Можно! В первую очередь, обратившись к пониманию себя, своих чувств и эмоций. ■

В здоровой семье никакая – даже самая напряженная – ситуация не является поводом для прерывания контакта

Fürsorge: zuhören, mitfühlen, helfen oder im Gegenteil in Ruhe lassen; irgendwelche alltäglichen Arbeiten selbst übernehmen, die der Partner nicht gern tut.

Häufig fällt die Fürsorge für pubertierende Kinder den Eltern ziemlich schwer. Die gewohnte bevormundende Fürsorge wird vom Teenager als Kontrolle empfunden und ruft starken – und berechtigten! – Protest hervor. Wie kümmert man sich denn dann richtig um ein erwachsen werdendes Kind? Man muss lernen, ihm zu vertrauen, nicht zu kontrollieren, nicht ständig an etwas zu erinnern, nicht mehr endlos zu fragen: „Wie geht es dir in der Schule?“ und „Was hast du gegessen?“, sondern aufrichtig daran zu glauben, dass ihm alles gelingen wird. Helfen nur, falls es darum bittet. In Ruhe lassen.

Noch eine sehr wichtige Eigenschaft einer gesunden Familie ist offene Gemeinschaft. Hier sind, denke ich, zwei Aspekte wichtig zu beachten.

Das Erste ist das Vorhandensein von Kontakt zwischen den Familienmitgliedern. Was bedeutet das? Dass die Menschen in der Lage sind, in jeder beliebigen Situation miteinander zu interagieren. Wirklich zu interagieren und nicht bloß Repliken auszutauschen, während man irgendwelche familiären Funktionen ausübt. Wenn es keinen Kontakt gibt, entfremden sich die Familienmitglieder voneinander. **Äußerlich mag alles ganz „anständig“ aussehen: Das Mittagessen wird gekocht, der Müll herausgebracht, das Geld verdient, es kann sogar eine sexuelle Beziehung geben. Aber dabei gibt es zwischen den Menschen keine emotionale Nähe. Und niemand weiß, was den jeweils Anderen bewegt.**

Wichtig ist nicht nur das Vorhandensein, sondern auch das Aufrechterhalten von Kontakt. Es ist klar, dass unterschiedliche Dinge vorkommen – Konfliktsituationen, Krisen. Verärgerung, Zorn und andere negative Emotionen sind selbst in der besten Familie nicht zu vermeiden. Aber es gibt einen wichtigen Unterschied: In einer gesunden Familie ist keine Situation – auch nicht die angespannteste – ein Grund, den Kontakt abzubauen.

Ein klassisches und äußerst schmerzhaftes Beispiel für Kontaktabbruch ist das Ignorieren. Wenn jemand

sagt: „Es reicht! Ich rede nicht mehr mit dir. Ich sehe dich nicht“ – und wirklich so handelt. Ich kenne aus meiner Praxis Situationen, in denen die Eltern bis zu zwei Wochen lang aus „erzieherischen“ Gründen nicht mit ihrem Kind redeten. Mann und Frau können auch demonstrativ „nicht miteinander reden“. Vielen scheint das besser, „zivilisierter“ zu sein als zu schreien oder sich zu schlagen. Man muss aber verstehen, wie schwer auszuhalten und wie äußerst zerstörerisch ein derartiges Verhalten ist.

Wenn die Emotionen so am Kochen sind, dass es unmöglich ist, in diesem Moment mit dem Partner oder dem Kind Gemeinschaft zu haben, ist es besser, ihm mitzuteilen: „Ich kann jetzt nicht mit dir sprechen! Ich fürchte, dann wird es noch schlimmer! Lass uns später darüber reden.“ Und dann muss man sich in ein emotionales Gleichgewicht bringen. Aber nicht den Kontakt abbrechen!

Zweitens beinhaltet offene Gemeinschaft auch die Möglichkeit, ehrlich die eigenen Gefühle, Kummer und Unzufriedenheiten mitzuteilen. Und hier entsteht folgendes Paradoxon: Die Idee „wenigstens in der Familie kann ich doch wohl aufrichtig sein“ bedeutet für viele seltsamerweise die Möglichkeit, Emotionen unkontrolliert auszudrücken, zu schreien und nicht auf die Wortwahl zu achten, wenn einem etwas nicht gefällt. Das wird damit gerechtfertigt, dass „alle zur Familie gehören“, ich mich nachher entschuldige und meine Familie es „verstehen und verzeihen“ wird. Nein, so ist das nicht. Es ist unmöglich, mit Entschuldigungen den regelmäßigen Schaden zu kompensieren, der durch grobe Worte, Beleidigungen oder Erniedrigungen zugefügt wird.

In einer gesunden Familie bedeutet offene Kommunikation auf jeden Fall nicht nur Ehrlichkeit, sondern auch Sorge für den Partner. Es ist wichtig, seine Nächsten zu schonen. Auch, sie vor den eigenen zerstörerischen Zornausfällen und Beleidigungen zu schützen. Das bedeutet nicht, dass man über seine Unzufriedenheit nicht sprechen darf. Das muss man sogar! Sonst verläuft sich der Kontakt im Sand. Aber wenn wir unsere geliebten Menschen schonen wollen, achten wir auf unsere Wortwahl und bemühen uns, unsere Emotionen im Zaum zu halten.

...Wie erreicht man das alles? Und gibt es überhaupt solche psychologisch gesunden Familien? Ja! Das sind Familien, die von Menschen gegründet werden, denen es psychologisch gut geht und die reife Persönlichkeiten sind. Niemand wird so geboren, das ist das Ergebnis einer Entwicklung und der Fürsorge für sich selbst und die Nächsten.

Kann man eine unbefriedigende Situation in der eigenen Familie ändern? Ja! In erster Linie indem man sich darum kümmert, sich selber, seine Gefühle und Emotionen, zu verstehen. ■

In einer gesunden Familie ist keine Situation – auch nicht die angespannteste – ein Grund, den Kontakt abzubauen

Мария и ученик, которого любил Иисус

Аннегрет Райтц-Динзе, доктор теологических наук, пастор, управляющая отделом «Церковь и государство» Института практической теологии Гамбургского университета

Annegret Reitz-Dinse, Dr. der Theologie, Pastorin, Geschäftsführerin der Arbeitsstelle „Kirche und Staat“ des Instituts für Praktische Theologie der Universität Hamburg

Хартмут Динзе, пастор церкви св. Михаила в Гамбурге

Hartmut Dinse, Pastor an der Hauptkirche St. Michaelis in Hamburg

При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: *Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе (Ин. 19, 25-27).*

Мария, что пришлось тебе испытать в те страшные часы, когда умирал Иисус, твой Сын? Даже трудно представить, как можно выдержать такое, когда вместе с другими пришлось смотреть и видеть это. И всё же это часть человеческой жизни. Многие матери пережили смерть своих сыновей, которых убили, лишили жизни – во все времена и повсюду, особенно на войне: война всегда сотрясала и будет сотрясать мир. Не все стояли так близко к кресту, как ты. Для этих матерей ты являешься примером для подражания. От тебя исходят утешение, помощь, защита и надежда для всех страдающих людей. Ты – сильная заступница и одновременно

смирная мать, стойко выдерживающая ужасы и именно этим дающая утешение. Там, у креста, претерпеть всё до последнего, просто быть рядом, не имея возможности что-либо сделать – в этом молчаливый протест против насилия и произвола, против разрушения человека, которое явилось средством противоборства.

Рядом с тобой стояли другие женщины: твоя сестра и Мария Клеопова. Также мы видим Марию Магдалину. И еще в вашей группе – ученик, которого любил Иисус. В этой истории не называется его имя, и точно неизвестно, кто это, собственно говоря, был. Он был близок Иисусу, долгое время считалось, что это – Иоанн.

Неожиданно Иисус обращается к тебе и к нему – ученику. Как контраст к тому, что солдаты причиняют Ему, Иисус вступает в действие немногими словами, которые звучат как последнее распоряжение. Он направляет вас обоих друг к другу как мать и сына и тем самым сразу становится между вами. И ученик взял тебя к себе и заботился о тебе, так говорится в Библии.

Как ты чувствовала себя в этот момент? Знала ли ты уже этого ученика? Или он был тебе незнаком? Была ли ты рада этой поддержке? И прежде всего: была ли ты сама готова быть ему матерью? Что это означало? Заботиться, давать совет и утешать? Или слова Иисуса были нацелены на необходимость отпустить ученика и дать ему, как выжившему, новое поручение на будущее: эти слова свяжут вас друг с другом – тебя и ученика; вашей заботой друг о друге вы исполните просьбу Иисуса и создадите новые человеческие отношения, новую жизнь в духе Иисуса.

Эта сцена, описанная несколькими предложениями, не имеет параллельных мест в Библии. Повествование, записанное в Евангелии от Иоанна, показывает тебя совсем в необычной роли:

Maria und der Jünger, den Jesus lieb hatte

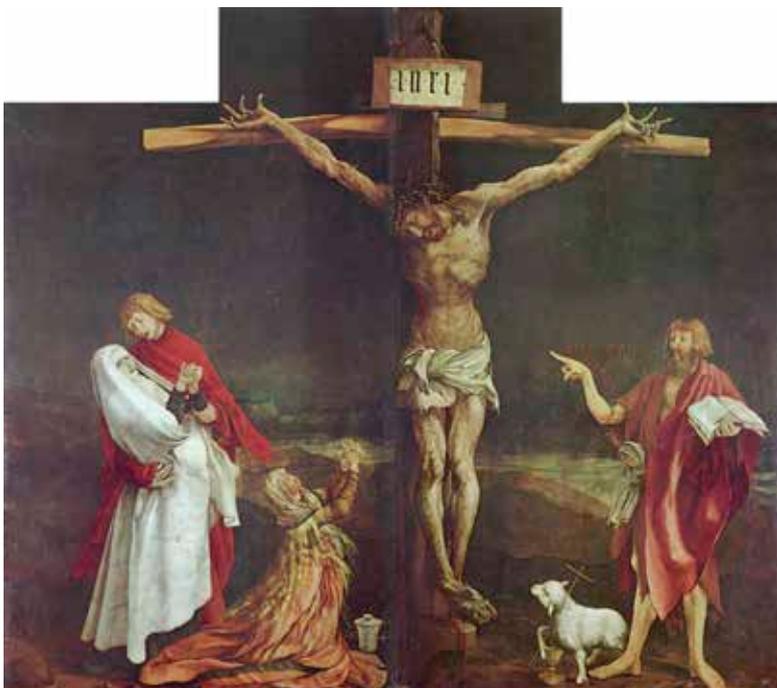
Es standen aber bei dem Kreuz Jesu seine Mutter und seiner Mutter Schwester, Maria, die Frau des Klopas, und Maria von Magdala. Als nun Jesus seine Mutter sah und bei ihr den Jünger, den er lieb hatte, spricht er zu seiner Mutter: Frau, siehe, das ist dein Sohn! Danach spricht er zu dem Jünger: Siehe, das ist deine Mutter! Und von der Stunde an nahm sie der Jünger zu sich.

(Joh. 19, 25-27)

Maria, wie muss dir zumute gewesen sein in jenen furchtbaren Stunden beim Sterben Jesu, deines Sohnes? Das mit ansehen zu müssen und auszuhalten ist eigentlich kaum vorstellbar und doch ist es Wirklichkeit im menschlichen Leben. Viele Mütter haben das Sterben ihrer gewaltsam ums Leben gebrachten Söhne

miterlebt, zu allen Zeiten, überall, besonders in den Kriegen, die die Welt erschüttert haben und immer wieder erschüttern. Nicht alle standen so nahe beim Kreuz wie du. Diesen Müttern bist du ein Vorbild. Von dir gehen Trost und Beistand, Schutz und Hoffnung für die Menschen aus, die leiden müssen. Du bist die starke Beschützerin und zugleich die demütige Mutter, die dem Grauen standhält und gerade dadurch Trost zu spenden vermag. Dort am Kreuz auszuharren bis zuletzt und nichts tun zu können, als dabeizubleiben, ist stummes Aufbegehren gegen Gewalt und Willkür, dagegen, dass die Zerstörung eines Menschen sich als Mittel der Auseinandersetzung durchsetzen könnte.

Neben dir standen andere Frauen: deine Schwester und Maria, Klopas Frau. Außerdem sehen wir Maria

Маттиас Грюневальд. Распятие. Фрагмент Изенгеймского алтаря (Эльзас, Франция). 1512-1515 гг.

Matthias Grünewald. Das Kreuzungsbild. Ausschnitt aus dem Isenheimer Altar. 1512-1515

→ Иисус указывает на физические границы твоих сил и заботится о тебе, препоручая тебя ученику, который Ему дорог. Мария, от тебя всегда ожидали многого, тебе многое доверяли, и с тебя многое требовали, с момента Благовещения. Но тут тебе обещают поддержку, о которой ты не просила и на которую ты и не рассчитывала. Это выглядит так, как если бы тебе дали возможность принимать помощь, проявлять слабость и одновременно знать: кто-то поддерживает меня, помогает подняться и при этом не преследует собственных интересов.

Этот образ, описанный евангелистом Иоанном, является особенным, он противоположен твоей роли Матери Божьей и Матери Церкви, небесной царицы, стоящей выше любых человеческих слабостей. Этот образ отражает твою человечность, отсылает тебя в сообщество людей. Ученик заботился о тебе, говорится в тексте. Это знак не только расположения и любви, но и замещения Иисуса.

Что ты сама чувствовала, думала и говорила в этот момент, – мы можем только предположить, нам это неизвестно. Иногда предполагали, что ты потеряла сознание от изнеможения, и это можно было бы легко понять. Однако мы этого не знаем.

Здесь Иисус признает, что ты не всегда обязана быть самой сильной. Так ответственность за собственную жизнь и за землю переносится также и на тех, которые подобно ученику поддерживают тебя, слушают Иисуса и хотят

следовать Ему. И эта ответственность пробуждает жизненные силы для новых шагов. (...)

Мария, я благодарю тебя за твоё мужество, за твоё присутствие на Голгофе в страшный час, о котором нам повествует Иоанн. Я благодарю тебя за твою человечность: и я, и другие с доверием следуют за учениками, чтобы стать сестрами и братьями Иисуса. Мария, я благодарю тебя за твою материнскую любовь, твою готовность дать новую жизнь.

Ты – ученик без имени, тот ученик Евангелия, который стал загадкой для многих экзегетов. Многие поколения размышляли над тем, кто же, собственно, скрывается за названием «ученик, которого Он любил». Речь о тебе заходит только в начале Страстных дней. Ты появляешься совершенно неожиданно во время прощальной вечери. Поэтому в древней Церкви тебя считали Иоанном, сыном Зеведея, который согласно синоптическим Евангелиям был одним из учеников, призванных Иисусом в самом начале. Однако окончательная разгадка твоей идентичности так и не произошла.

Там, где в Библии повествуется о тебе, тебе приписывается особая роль. Говорится о том, что ты был особенно близок Иисусу. Во время вечери ты возлежал – как пишет Иоанн – «у груди Иисуса» (Ин. 13,23). Это показывает абсолютное доверие и расположение к тебе Иисуса. (...)

На Голгофе Иисус направил тебе свою мать Марию. Вначале Он обратился к ней: «Жено! Се, сын Твой!». Потом обратился к тебе: «Се, Матерь твоя!». Это звучит как завещание, распоряжение, которым Иисус хочет соединить Марию и тебя. Иисус призвал тебя на свое собственное место как сына Марии. Теперь она стала твоей матерью, о которой ты должен заботиться. Ты принял эту задачу и пытался исполнить завещание Иисуса. (...)

Для Марии ты стал важным контактным лицом. Она оказала тебе большое доверие. Так, ты и Пётр были первыми, к кому направилась Мария, увидев пустой гроб, чтобы рассказать о пережитом.

Как долго продлились эти доверительные отношения? Защищал ли ты Марию и в повседневной жизни? О чем вы беседовали, что ее тяготило и ободряло? Иисус оставался центром ваших отношений: Его жизнь, Его страдания, Его весть, Его Воскресение связывали вас. (...)

Кем бы ты ни был, в тебе могут узнать себя во все времена те, которые ориентируются на Иисуса. Ты – образ людей в Церкви. Как ученик без имени, ты – бескорыстный свидетель и пример тому, какими могут быть служение для блага Церкви и проповедь Евангелия: бесстрашными, жизненными, готовыми нести ответственность, исполненными упования на Иисуса Христа и полными надежды на Его пришествие. В этом ты служишь нам образцом. ■

(Из книги „Paargeschichten. Beziehungen in der Bibel – 12 Dialoge“. Публикуется с сокращениями)

Маттиас Грюневальд.
Мария и ученик,
которого любил Иисус.
Фрагмент Изенгейм-
ского алтаря (Эльзас,
Франция). 1512-1515 гг.

Matthias Grünewald.
Maria und der Jünger,
den Jesus lieb hatte.
Ausschnitt aus dem Isen-
heimer Altar. 1512-1515

von Magdala. Schließlich gehörte zu eurer Gruppe der Jünger, den Jesus lieb hatte. Er trägt keinen Namen in dieser Geschichte, und man weiß nicht genau, wer er eigentlich war. Er stand Jesus nahe, wurde lange für Johannes gehalten.

Plötzlich wandte sich Jesus an dich und an ihn, den Jünger. In schroffem Gegensatz zu dem, was die Soldaten ihm antun, greift Jesus in das Geschehen mit knappen Worten ein, die wie eine letzte Verfügung klingen. Er weist euch beide aneinander als Mutter und Sohn und stellt sich damit zugleich in eure Mitte. Und der Jünger nahm dich zu sich und sorgte für dich, berichtet die Bibel.

Wie hast du dich in dem Augenblick gefühlt? Konntest du den Jünger bereits? Oder war er dir fremd? Warst du froh über seine Unterstützung? Und vor allem, warst du selbst bereit, ihm Mutter zu sein? Was bedeutete das? Praktische Fürsorge, Rat und Trost zu spenden? Oder zielten Jesu Worte auf die Notwendigkeit, ihn jetzt loszulassen und als Überlebende neue Schritte in die Zukunft zu gehen: Durch seine Worte werdet ihr, du und der Jünger, zu einem Paar verbunden; durch eure Sorge umeinander trägt ihr Jesu Anliegen weiter und stiftet neue menschliche Beziehungen, neues Leben in Jesu Geist.

Diese in wenigen Sätzen beschriebene Szene hat keine Parallelen in der Bibel. Ihr Bericht, wie ihn der Evangelist Johannes aufgezeichnet hat, zeigt dich in einer anderen Rolle als sonst: Jesus geht hier auch auf die natürliche Begrenztheit deiner Kräfte ein und sorgt für dich, indem er dir den Jünger, der ihm am Herzen lag, an die Seite stellt. Maria, von dir ist immer viel erwartet worden und dir wurde viel zugetraut und abverlangt seit der Verkündigung der Geburt Jesu. Aber hier bekommst du Unterstützung zugesprochen, um die du nicht gebeten hast und die du auch nicht erwarten konntest. Es klingt, als werde dir damit die Möglichkeit eröffnet, selbst Hilfe anzunehmen, Schwäche zeigen zu dürfen und gleichzeitig zu wissen, jemand stützt mich, hilft mir wieder auf und verfolgt dabei keine eigenen Interessen.

Gerade gegenüber deiner Rolle als Mutter Gottes und Mutter der Kirche, als über jede menschliche Schwäche erhabene Himmelskönigin ist dieses Bild, das der Evangelist Johannes von dir überliefert hat, etwas Besonderes. Es ist ein Gegenbild, das dich menschlich zeigt und in menschliche Gemeinschaft hineinstellt. Der Jünger sorgte für dich, heißt es im Text. Das ist nicht nur ein Zeichen der Zuneigung und Liebe, sondern auch der Stellvertretung Jesu.

Was du in diesem Moment selbst gefühlt, gedacht und gesagt hast, können wir nur ahnen, es ist nicht bekannt. Manchmal wurde angenommen, du seist vor Erschöpfung einer Ohnmacht erlegen, was leicht verständlich wäre. Aber wir wissen es nicht.

Jesus gesteht dir hier zu, nicht immer die Stärkere sein zu müssen. So wird Verantwortung für das eigene Leben und für die Welt auch auf diejenigen übertragen, die wie der Jünger an deiner Seite stehen, die auf Jesus hören und ihm nachfolgen wollen. Und mit dieser Verantwortung werden wieder Lebenskräfte geweckt für neue Schritte. (...)

Maria, ich danke dir deinen Mut und deine Anwesenheit in der Stunde des Grauens auf Golgatha, von der Johannes berichtet hat. Ich danke dir deine Menschlichkeit, die mich und andere in der Nachfolge des Jüngers an deiner Seite beauftragt hat, Schwestern und Brüder Jesu zu werden. Maria, ich danke dir deine mütterliche Liebe, deine Bereitschaft, neues Leben zu ermöglichen und weiterzugeben.

Du bist der No-name-Jünger des Evangeliums, der schon vielen Exegeten große Rätsel auferlegt hat. Viele Generationen haben gegrübelt, wer hinter der Bezeichnung „der Jünger, den er lieb hatte“ eigentlich steckte. Von dir ist erst zu Beginn der Passion die Rede. Ganz unvorbereitet tauchst du während des Abschiedsmahles auf. Deshalb wurdest du in der alten Kirche als der Zebedäus-Sohn Johannes angesehen, der nach den synoptischen Evangelien zu den Jüngern gehörte, die Jesus zuerst berief. Wirklich gelöst wurde das Rätsel deiner Identität jedoch nie.

Dort, wo in der Bibel von dir berichtet wird, kommt dir eine Sonderrolle zu. Es ist die Rede davon, dass du Jesus besonders nahe gestanden hättest. Bei den Mahlzeiten lagst du – wie es bei Johannes heißt – „an der Brust Jesu“ (Joh. 13, 23). Dies zeigt das absolute Vertrauen und die Zuneigung, die Jesus dir entgegenbrachte. (...)

Auf Golgatha wies Jesus dich an seine Mutter Maria. Sie sprach er zuerst an: „Frau, siehe, das ist dein Sohn!“ Und zu dir gewandt, fuhr er fort: „Siehe, das ist deine Mutter!“ Es klingt wie eine testamentarische Verfügung, mit der Jesus Maria und dich zusammenbringen wollte. Jesus berief dich an seine eigene Stelle als Sohn der Maria. Sie wurde nun zu deiner Mutter, für die du ab jetzt zu sorgen hattest. Du hast diese Aufgabe angenommen und das Vermächtnis Jesus zu erfüllen versucht. (...)

Für Maria bist du zu einem wichtigen Ansprechpartner geworden. Sie brachte dir großes Vertrauen entgegen. So waren Petrus und du die ersten, zu denen Maria lief, nachdem sie das leere Grab gesehen hatte, um das Erlebte zu berichten.

Dauerte dieses Vertrauensverhältnis an? Hast du Maria auch im Alltag zur Seite gestanden? Was erfüllte eure Gespräche, was hat sie belastet und belebt? Jesus ist für eure Beziehung die Mitte geblieben: Sein Leben, sein Leiden, seine Botschaft, seine Auferstehung haben euch verbunden. (...)

Wer du auch warst, in dir können sich zu allen Zeiten diejenigen erkennen, die sich an Jesus orientieren. Du stehst für die Menschen in der Kirche. Als Jünger ohne Namen bist du uneigennütziger Zeuge und Beispiel dafür, wie der Einsatz für die Kirche und die Verkündigung des Evangeliums aussehen kann: furchtlos, im Leben stehend, bereit, Verantwortung zu übernehmen, voller Vertrauen auf Jesus Christus und voller Hoffnung auf seine Wiederkunft. Darin bist und bleibst du uns Vorbild. ■

*(Aus dem Buch „Paargeschichten. Beziehungen in der Bibel – 12 Dialoge“.
Gekürzte Fassung)*

Жан Кальвин:

«Моисей» из Женевы

*Тамара Н. Таценко, кандидат исторических наук,
ст. науч. сотрудник Санкт-Петербургского
института истории РАН, Санкт-Петербург*

Кальвин приобрел известность уже после того, как произошла Реформация Лютера в Виттенберге и свершились церковные преобразования Цвингли в Цюрихе. В этом смысле Кальвин является реформатором второго поколения. Тем не менее, по своему учению, церковно-политической деятельности и влиянию на последующее развитие протестантизма он нисколько не уступает масштабу личности Лютера.

"Subita conversio"

Жан Кальвин был французом и родился в 1509 году в пикардийском городе Нуайоне, примерно в 100 километрах севернее Парижа. Его отец был церковным юристом, служил нотарием, а затем высокопоставленным чиновником местного епископства. Состоятельная семья была тесно связана с Церковью, и отцу, благодаря своим связям, удалось получить от епископства средства на образование способного юноши, которого он видел будущим священником.

В 1523 году Кальвина отправляют на учебу в парижский университет. С особым рвением он изучает классические языки, латынь и древнегреческий, античную философию. В 1528 году Кальвин завершает первую ступень университетского курса и получает степень магистра свободных искусств. Здесь ему приходится отступить от прежде намеченного в семье плана по изучению теологии. Отец считал более выгодным для сына готовиться к профессии юриста, что открывало перспективу более успешной

Кальвин является реформатором второго поколения, но нисколько не уступает масштабу личности Лютера

Жан Кальвин (1509-1564)

и прибыльной карьеры, нежели служба в переживавшей глубокий кризис Церкви. После изучения права в университетах Орлеана и Буржа Кальвин в 1531 году становится лицензиатом права.

Орлеан и Бурж были тогда не только крупнейшими во Франции центрами правовых знаний, но и очагами гуманистической учености. Здесь Кальвин интенсивно занимался также текстами античных авторов и произведениями ученых гуманистов круга Эразма Роттердамского. Возможно, что свойственная гуманистам критика церковных злоупотреблений, а также перенятые от них Кальвином приемы научной критики текстов постепенно позволили ему по-новому взглянуть на жизнь Церкви и Библию.

Известно, что в 1533 году Кальвин, по его собственному скупому свидетельству, переживает внезапный переворот или обращение („subita conversio“) и отныне и навсегда становится решительным приверженцем реформирования Церкви. Импульсом для духовного переворота Кальвину послужили не мучительные терзания

о достижении праведности и спасения, как у Лютера, но острое осознание католического богослужения как идолопоклонства, утратившего связь с евангельскими заветами и недостойного быть настоящим почитанием Бога. Кальвин не скрывал своих взглядов, и пребывание на родине, где начались жестокие преследования протестантов, стало для него крайне опасным.

Беженец из-за веры

В 1534 году он покидает Францию, отныне и до конца его жизнь протекает за пределами родины. Он становится одним из многих тысяч французских беженцев – протестантов, которые ради права свободно исповедовать евангельскую веру оставляли налаженную и нередко обеспеченную жизнь в католической Франции. К этому времени уже в полной мере выступили характерные черты личности Кальвина: высокая ученость, острота и ясность ума, страстность и упорство в достижении поставленной цели, сильная воля, бескорыстие и аскетизм.

Вместе с тем, судьба беженца из-за веры и тесное общение с французскими протестантами в изгнании, зачастую пережившими страдания жестоких преследований и мученическую смерть единоверцев, наложили сильный отпечаток на характер Кальвина. Они сделали его жестким и бескомпромиссным в требованиях по отношению к окружающим, например, когда речь шла о преданности вере, строгости норм жизни по Евангелию. Кальвин и его сторонники в полной мере осознавали, что принадлежат к жертвенной и мученической Церкви, и видели в этом своего рода печать избранности.

Базель-Женева-Страсбург

Кальвина часто называют «женевский реформатор», поскольку его основная деятельность связана со швейцарской Женевой. Сюда его приглашают на должность пастора летом 1536 года. Несколько десятилетий, с небольшим перерывом, он служит здесь вплоть до своей кончины в 1564 году. Однако чрезвычайно важными для формирования учения и программы церковных преобразований реформатора были два предшествующих Женеве года в Базеле (1534-1536 годы) и затем трехлетний перерыв женевской деятельности, который он провел в эльзасском Страсбурге (1538-1541 годы).

В Базель Кальвин направился сразу после бегства из Франции. Здесь, в одном из центров швейцарской Реформации, он мог спокойно посвятить себя занятиям теологией, в частности, изучению работ Лютера и особенно Цвингли. В 1536 году Кальвин публикует в Базеле первое издание своего главного труда «Наставление в христианской вере» (“*Christianae Religionis Institutio*”). В нем даны систематическая основа его учения и программа церковных преобразований. В последующих изданиях автор расширил текст сочинения, развил и дополнил отдельные положения.

Разошедшееся благодаря книгопечатанию «Наставление» принесло Кальвину известность

Импульсом для духовного переворота послужило острое осознание католического богослужения как идолопоклонства, утратившего связь с евангельскими заветами

Стена Реформации в Женеве, построенная в 1917 году. Реформаторы Женевы (слева направо): Гийом Фарель, Жан Кальвин, Теодор Беза, Джон Нокс

→ и признание в кругах теологов-приверженцев Реформации. Поэтому, когда в 1538 году, после первоначальных разочарований в деле реформирования Церкви в Женеве, Кальвин вынужден покинуть этот город, его охотно приглашают в Страсбург – важнейший центр южно-немецкой Реформации.

В течение трех лет он читает в Страсбургском университете лекции с толкованиями евангельских текстов и посланий, участвует в богословских собеседованиях с немецкими реформаторами, некоторые идеи которых, прежде всего, Мартина Буцера, оказывают влияние на теологию Кальвина. Большое значение для становления Кальвина-реформатора играет опыт пасторского служения в Страсбурге в общине французских беженцев-протестантов. Там же он вступает в брак, взяв в жены также изгнанницу, французскую Иделетт де Буре.

В сентябре 1541 года Кальвин неожиданно получает призыв вернуться к церковной деятельности в Женеве. Этот богатый город присоединился к Реформации из политических соображений. Изменения свелись там к отмене католической мессы и освобождению от церковной иерархии Рима. Теперь перед Кальвином стояла задача провести в Женеве Реформацию по существу, а именно реформировать жизнь в Церкви и обществе согласно нормам Священного Писания.

По возвращении он вводит новый Церковный устав („Ordonnances ecclésiastiques“), который дает церковной общине четкие структуры. Речь идет о равноправии и единстве членов общины, которые, обладая различными способностями, совершают различные служения. Вслед за святым апостолом Павлом Кальвин употребляет при этом образ единого тела со многими членами, обладающими различными дарами (1 Кор. 12). Кальвин различает четыре руководящих служения, необходимые каждой общине: 1. Пасторы проповедают и занимаются душепопечительством прихожан; 2. Учителя заботятся о наставлении в вероучении; 3. Старшины или пресвитеры ведут административные дела; 4. Дიაконы поддерживают больных и бедных. Все вместе они управляют общи-

ной. Пресвитеров выбирает вся община, подбор проповедников осуществляют учителя и пасторы. Коллективная ответственность духовных и светских руководителей, их выборность несли в себе зародыш демократических институтов.

«Яблоко раздора»

На библейские нормы Кальвин ориентировался и в создании литургии.

Как и другие реформаторы, центром богослужения он считал проповедование Слова Божьего, а также

признавал только два Таинства, введенные самим Христом: Крещение и Причастие. Вслед за Цвингли женеvский реформатор стремился предельно соответствовать текстам Библии и в устройстве, обстановке богослужения. Так, согласно второй заповеди Моисея, отвергающей почитание изображений, из церквей были устранены все иконы, распятия и алтари. Исчезли свечи, замолк орган, в обычай было введено пение ветхозаветных псалмов, многие из которых переложил на стихи сам Кальвин.

Максимально приближенным к тексту Евангелия становится на кальвинистском богослужении и Таинство Причастия. Члены общины принимали Причастие под двумя видами: хлебом и вином, сидя за простым столом, как некогда ученики Христа на Вечере Господней.

Богословское понимание Таинства Причастия было предметом ожесточенных споров, яблоком раздора между протестантскими реформаторами в XVI веке. Кальвин стремился занять среднюю позицию между Лютером и Цвингли. Он не считал, подобно Цвингли, что это Таинство всего лишь акт воспоминания об искупительной жертве Христа, имеющий большое духовное значение. Кальвин признавал присутствие Христа во время Причастия, но это было для него признанием не материальных тела и крови Христовых, непостижимым образом присутствующих в хлебе и вине, как у Лютера. Кальвин учил, что Спаситель присутствует в хлебе и вине Духом Святым, и верующие вкушают Евхаристию духовно (manducatio spiritualis), испытывая тем самым духовное единение с Христом и наследуя Жизнь Вечную.

Кальвин отличался особой требовательностью к принимающим Причастие. Они обязаны были специально готовиться к проходящему не чаще одного раза в месяц Таинству, наставляясь в вероучении и знаниях Библии на занятиях под надзором учителей и старшин общины. Последние обладали правом отсеивать недостойных и не допускать их к Причастию.

«Реформация жизни»

Женева находилась в опасном окружении враждебно настроенных католических областей, поэтому для выживания Церкви, по мнению Кальвина, необходимо было укоренить евангелическую веру в сердцах женеvцев и убедить их следовать евангельским правилам поведения в повседневной жизни. Он требовал от верующих не только «реформации веры (reformatio doctrinae)», но и «реформации жизни (reformatio vitae)». При этом Кальвин опирался в первую очередь на окормляемую им общину французских беженцев в Женеве, которые выстрадали свою веру в преследованиях и потому в несравненно большей степени готовы были строить жизнь в строгом соответствии с библейскими нормами, нежели коренные женеvцы.

Чтобы преодолеть индифферентность последних, Кальвин вводит в практику правила церковной дисциплины. Определенные церковные

Кальвин и его сторонники в полной мере осознавали, что принадлежат к жертвенной и мученической Церкви, и видели в этом своего рода печать избранности

структуры при поддержке магистрата Женевы начинают осуществлять контроль жизни горожан, применяя меры соглядатайства и доносительства. Вводится система порицаний и штрафов за нерегулярное посещение богослужений, критику в адрес Церкви, семейные раздоры, неуместные танцы и чрезмерно веселое пение, азартные игры, употребление ругательств.

Ответом была многолетняя, нередко ожесточенная борьба свободолюбивых женеvцев против «засилья французов на церковных кафедрах». Кальвин, убежденный, что ему дано осуществить в Женеве особый божественный план, держался стойко, утверждая свою позицию в проповедях и многих полемических статьях. Он сравнивал себя с ветхозаветным Моисеем, принужденным переносить нетерпеливое ропгание своего народа во время блуждания по пустыне. По истечении времени и со сменой поколений кальвинистское благочестие утвердилось в Женеве, стало частью идентичности женеvцев и – для многих – приметой их избранности.

Учение о предопределении

Тема избранности проявляется в учении Кальвина о предопределении (*praedestinatio*). Вслед за Августином Кальвин утверждал, что Бог изначально предопределил каждого человека к спасению или проклятию, при этом сам человек не может иметь никакого влияния на божественное предназначение. Учение вызвало острую критику со стороны протестантских реформаторов, прежде всего лютеран, которые считают, что благодать Божья ихшанс на спасение доступны всем верующим.

Кальвин утверждал, что никому неизвестно, предопределен ли конкретный человек к спасению или проклятию. Надеяться на спасение могут те, которые живут в лоне Церкви по евангельским нормам, в том числе прилагающие большое рвение и усердие в труде и профессии.

Особыми приверженцами учения Кальвина о предопределении стали рассеявшиеся по всей Европе и находившиеся в стесненных обстоятельствах изгнанники за веру. Они восприняли его как побуждение к активной жизни в вере и профессиональной деятельности, в дальнейшем показали себя как, например, гугеноты в Германии, успешными предпринимателями и носителями передовых технологий.

Кальвинистская или реформатская?

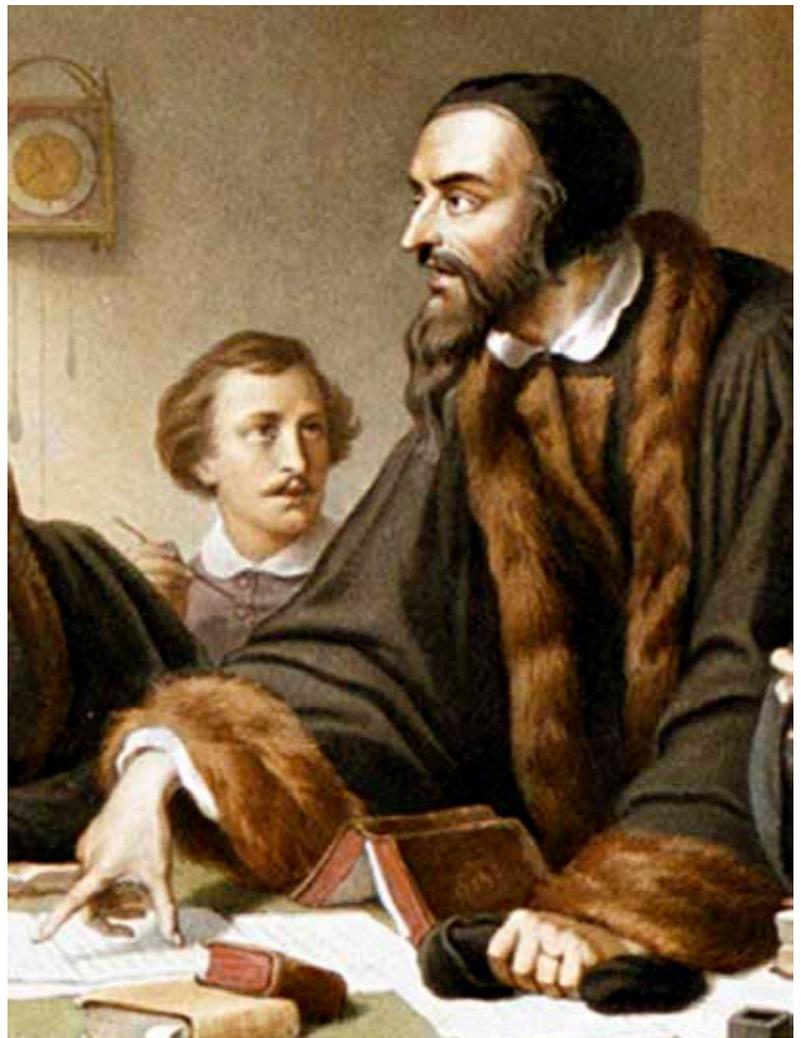
Последние 23 года своей жизни Кальвин не покидал Женеву. Тем не менее, его учение распространилось в других европейских странах. Он вел активную переписку с многочисленными зарубежными теологами, правителями и государственными деятелями. Помимо Франции, учение Кальвина нашло многочисленных приверженцев в Нидерландах, на северо-западе и западе Германских земель, в Польше, Венгрии, Англии и Шотландии. Создаваемые там общины современники

часто называли кальвинистскими, но это было, скорее, полемическое название, данное со стороны. Сами члены общин предпочитали называть себя Церковью, осуществившую / прошедшую реформирование: *Reformierte Kirche* (нем.), *église réformée* (франц.). По-русски мы называем последователей Кальвина «реформаты», «реформатская» Церковь.

Сегодня ее членами являются многие миллионы христиан во всех частях мира. Реформатские общины в немалом количестве существовали в Российской империи, например, в немецких колониях на Волге и на юге России, а также в крупных городах, таких как Санкт-Петербург и Москва. Структурно они были частью Евангелическо-Лютеранской Церкви империи, куда входили на правах особого заседания. И сегодня потомки реформатов немецкой традиции встречаются среди членов общин Союза Евангелическо-Лютеранских Церквей. ■

Вводится система порицаний и штрафов за нерегулярное посещение богослужений, критику в адрес Церкви, семейные раздоры, неуместные танцы и чрезмерно веселое пение, азартные игры, употребление ругательств

Кальвин председательствует на конференции в Женеве в 1549 году. © S.H.P.F.

Антон Чехов

Студент

Погода вначале была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело. Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдино. Запахло зимой.

Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шел всё время заливым лугом по тропинке. У него закончели пальцы, и разгорелось от ветра лицо. Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно. Только на вдовьих огородах около реки светился огонь; далеко же кругом и там, где была деревня, версты за четыре, всё сплошь утопало в холодной вечерней мгле. Студент вспомнил, что, когда он уходил из дому, его мать, сидя в сенях на полу, босая, чистила самовар, а отец лежал на печи и кашлял; по случаю страстной пятницы дома ничего не варили, ичмучительно хотелось есть. И теперь, пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета, – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой.

Огороды назывались вдовьими потому, что их содержали две вдовы, мать и дочь. Костер горел жарко, с треском, освещая далеко кругом вспаханную землю. Вдова Василиса, высокая, пухлая старуха в мужском полушубке, стояла возле и в раздумье глядела на огонь; ее дочь Лукерья, маленькая, рябая, с глуповатым лицом, сидела на земле и мыла котел и ложки. Очевидно, только что отужинали. Слышались мужские голоса; это здешние работники на реке поили лошадей.

– Вот вам и зима пришла назад, – сказал студент, подходя к костру. – Здравствуйте!

Василиса вздрогнула, но тотчас же узнала его и улыбнулась приветливо.

– Не узнала, Бог с тобой, – сказала она. – Богатым быть.

Поговорили. Василиса, женщина бывалая, служившая когда-то у господ в мамках, а потом няньках, выражалась деликатно, и с лица ее всё время не сходила мягкая, степенная улыбка; дочь же ее Лукерья, деревенская баба, забитая мужем, только щурилась на студента и молчала, и выражение у нее было странное, как у глухонемой.

– Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Пётр, – сказал студент, протягивая к огню руки. – Значит, и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!

Он посмотрел кругом на потемки, судорожно встряхнул головой и спросил:

– Небось, была на двенадцати Евангелиях?

– Была, – ответила Василиса.

– Если помнишь, во время тайной вечери Пётр сказал Иисусу: «С тобою я готов и в темницу, и на смерть». А Господь ему на это: «Говорю тебе, Пётр, не пропоет сегодня петел, то есть петух, как ты трижды отречешься, что не знаешь меня». После вечери Иисус смертельно тосковал в саду и молился, а бедный Пётр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям. Его связанного вели к первосвященнику и били, а Пётр, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выспавшийся, предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед... Он страстно, без памяти любил Иисуса, и теперь видел издали, как его били...

Лукерья оставила ложки и устремила неподвижный взгляд на студента.

– Пришли к первосвященнику, – продолжал он, – Иисуса стали допрашивать, а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Пётр и тоже грелся, как вот я теперь. Одна женщина, увидев его, сказала: «И этот был с Иисусом», то есть, что и его, мол, нужно вести к допросу. И все работники, что находились

около огня, должно быть, подозрительно и сурово поглядели на него, потому что он смутился и сказал: «Я не знаю его». Немного погодя опять кто-то узнал в нем одного из учеников Иисуса и сказал: «И ты из них». Но он опять отрекся. И в третий раз кто-то обратился к нему: «Да не тебя ли сегодня я видел с ним в саду?» Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Пётр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал. В евангелии сказано: «И исшед вон, плакася горько». Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...

Студент вздохнул и задумался. Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, избыточные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль.

Работники возвращались с реки, и один из них верхом на лошади был уже близко, и свет от костра дрожал на нем. Студент пожелал вдовам спокойной ночи и пошел дальше. И опять наступили потемки, и стали зябнуть руки. Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха.

Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, всё, происшедшее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...

Он оглянулся. Одинокий огонь спокойно мигал в темноте, и возле него уже не было видно людей. Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Пётр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра.

И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только 22 года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла. ■

Рембрандт ван Рейн
«Отречение апостола
Петра». 1660 год

Молитва на Пасху

Господь страха и радости,
Ты явился, чтобы поколебать землю.
Открой наши могилы
И верни нам наше прошлое,
Чтобы всё погребенное
Обрело свободу и искупление,
И наша жизнь
Через Воскресшего Христа
Вернулась к Тебе.
Аминь.

(Дженет Морли)

Gebet zu Ostern

Gott des Schreckens und der Freude,
du bist erschienen, um die Erde zu erschüttern.
Öffne unsere Gräber
Und gib uns unsere Vergangenheit zurück,
damit alles, was begraben wurde,
befreit und vergeben werde
und unser Leben
durch den auferstandenen Christus
zu dir zurückkehre.
Amen.

(Janet Morley)

